
ПРИВЕТ
XV СЪЕЗДУ
ЛЕНИНСКОГО
КОМСОМОЛА!
ОГОНЁК
№ 20 МАЙ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 20 (2029)

15 МАЯ 1966

ДОМ НА ПЛОЩАДИ РЕВОЛЮЦИИ

Двери этого дома гостеприимно открыты уже 30 лет. 15 мая 1936 года сюда пришли первые посетители. С каждым годом их становилось все больше и больше. Они были очень разные: старики и дети, рабочие и ученые, колхозники и солдаты. И каждый, уходя, уносил в сердце светлый образ создателя нашей партии и государства, самого человечного человека—Владимира Ильича Ленина.

Около 27 миллионов посетителей прошли за 30 лет по залам Центрального музея В. И. Ленина в Москве.

...И вот еще одна экскурсия. Мальчишки и девчонки в пионерских галстуках. Десятки внимательных глаз. Десятки вопросов, потому что надо прожить так, как жил он: честно, смело, щедро.

Фото А. Бочинина.

ПОСЛАНЦЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА — ГОСТИ ОАР

10 мая над Центральным каирским аэродромом прогремели залпы Салюта наций. Объединенная Арабская Республика торжественно встретила прибывшую с официальным визитом советскую правительственную делегацию во главе с Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным.

Посланцев Советского Союза встречали Президент Гамаль Абдель Насер, видные государственные деятели ОАР, представители общественности Каира.

Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин нанес визит Президенту Объединенной Арабской Республики Гамаль Абдель Насеру. Во время визита состоялась сердечная, дружественная беседа.

На снимке: А. Н. Косыгин и Гамаль Абдель Насер обмениваются рукопожатием во время встречи на каирском аэродроме.

Фото В. Будана (ТАСС).

В Стамбуле состоялась студенческая антиамериканская демонстрация. Ее участники прошли по улицам города, выкрикивая лозунги: «Мы хотим независимой внешней политики!», «Американцы, уходите домой!». Эти же слова были написаны на плакатах. На снимке: колонна демонстрантов направляется на площадь Таксим.

Выдающемуся художнику современности Пабло Пикассо вручена золотая медаль лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Медаль художнику, еще не оправившемуся после тяжелой операции, вручил член Комитета по международным Ленинским премиям И. Г. Эренбург.

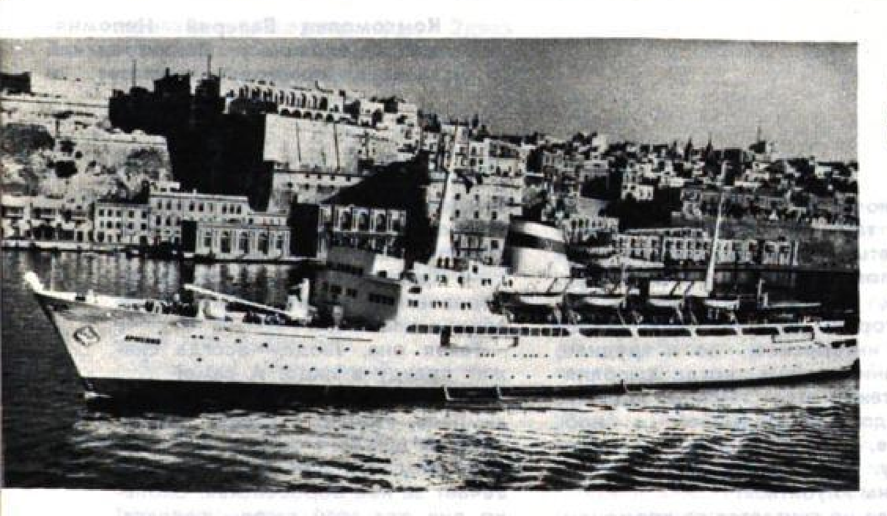
НАРОД ЛИКУЕТ

День Победы, день всенародного ликования! Вот два снимка, запечатлевшие Москву и ее гостей 9 мая 1966 года.

Сколько их было в этот день, традиционных встреч фронтовых друзей! Наш корреспондент Б. Кузьмин сфотографировал одну из них. Гвардейцы-артиллеристы: командир дивизиона И. Т. Кузнецов, начальник связи дивизиона В. И. Чередниченко, радист В. Т. Трембовельский и военфельдшер П. П. Паршутин. Но к каждой из этих должностей добавьте слово «бывший». А ныне? Доцент Ленинградской артиллерийской академии, секретарь Днепропетровского обкома КП Украины, преподаватель эстетики в Белоцерковском сельскохозяйственном институте, преподаватель лечебной физкультуры...

...В праздник советские люди хотят быть вместе, рядом, одной семьей. Наш фотокорреспондент А. Бочинин сфотографировал их на Ленинградском проспекте столицы вечером 9 мая 1966 года.

В столицу Мальты Ла Валетту прибыл советский лайнер «Армения», совершающий рейс с 300 туристами на борту. В их числе ученые, врачи, архитекторы, журналисты.

Сирийский народ торжественно отметил большой национальный праздник — 20-летие провозглашения независимости республики. В крупнейшем промышленном центре страны городе Хомсе были проведены массовые демонстрации трудящихся и военный парад. Наш снимок показывает колонну крестьян. Во главе ее — руководители Федерации крестьянских ассоциаций.

Страшные зверства творит на земле Южного Вьетнама американская военщина вкупе с головорезами из сайгонских марионеточных войск. Объектив американского фотокорреспондента запечатлел жуткую сцену: пытают патриота, попавшего в руки американцев и их «союзников». Еще один документ, разоблачающий кровавый американский империализм.

ЕСЛИ ТЕБЕ КОМСОМОЛЕЦ ИМЯ...

Комсомолец Валерий Непомнящих окончил Ленинградский электротехнический институт и

Г. КУЛИКОВСКАЯ
Фото Л. Шерстенникова.

Несколько лет назад этого города на карте еще не было. На левом берегу Северского Донца среди песков разрастался поселок, обязанный своим существованием химическому комбинату. Наступил день, поселок отпочковался от Лисичанска, к которому был приписан, и законно вошел в семью городов Донбасса. Северодонецк — так называется этот город. Он юн временем своего существования и возрастом своих жителей.

Лену Лысенко и Люду Боровенскую (в центре) сдружил комсомол.

Делегат съезда

Велик Лисичанский химкомбинат — растянулся от аэропорта до городских улиц. Что только не производится здесь: витамины полей — различные удобрения и карбамид, капролактам и ацетилен. Из синтетических веществ можно получить многое — от губной помады и найлона до пластмасс, не уступающих стали. Люда Боровенская гордится, что имеет отношение ко всему этому, что участвует в жизни такого большого производства. Работа у нее самая гуманная. Ходит девушка по цехам, взбирается на крыши, площадки конденсаторов и ректификационных колонн и ловит дымы. Потом приносит собранные аэрозоли в лабораторию и начинает над ними колдовать. Накачивает в поглотители, очищает, помещает в различные приборы. Лаборант Боровенская должна сказать, есть ли в них то, что может пригодиться в производстве и что отравляет воздух.

Первый прилавок комсомолки Вали Массалитиной. Справа — заведующая секцией игрушки комсомолка Неля Библова.

Одно время Люда работала в цехе, там было проще — всего три-четыре типа анализов, которые повторялись изо дня в день. Здесь, в экспериментальной лаборатории, десятки типов. Работать интереснее, но и труднее, особенно сейчас, когда выполняется такое ответственное задание: исследование примесей и продуктов, выбрасываемых в атмосферу. Дымы над городом не должны клубиться!

Люда не считается со временем. Если идет анализ,— не бросит его посредине, а дождется конца, не посмотрит, что пересмена и ждут другие дела. А если они комсомольские? Боровенскую с пятнадцатой ее весны избирают комсоргом. В классе. В группе. В цехе. И в заводской комитет комсомола избрали тоже. За что? Может быть, за веселый, неунывающий нрав, за обостренное чувство долга, как бы ни велик, ни мал он был?

Как-то слушали на комитете комсомола Виктора Ланько, ответственного за производственный сектор. Он сказал мало, слишком мало и замолчал. Да и говорить ему нечего было: плохо работал. И все за столом тоже молчали: шесть ребят и две девушки. Было неловко за него. Как-никак начальник смены, учится в институте. Виктор Шпилько — секретарь комитета комсомола — с тоской посмотрел на товарищей. Ну, кто первым возьмет слово?

— Витя, дай я скажу...

Люда Боровенская встала.

— Ну сколько можно говорить об одном и том же?— Темные Людины глаза сузились и стали совсем черными.— Тогда был у тебя экзамен, теперь — зачет. Все у нас учатся! Однако ты не пришел в комитет, не сказал: «Ребята, помогите, не справлюсь». Ну кто бы тебе отказал? Так было бы по крайней мере честно. Ланько же избрал другой путь. Ничего не делал и надеялся, что как-нибудь обойдется. Авось, пронесет... А где совесть у него? Скажи, Ланько, куда девалась твоя комсомольская совесть?

— Правильно, — поддержали Боровенскую ребята.— Ты же подводишь всех нас...

Такая она, Люда,— всегда скажет правду в лицо. А сама?

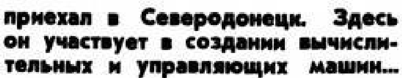
В саду, возле Дома культуры химиков, утопает в кленах и шелковицах школа. Подшефная комитету комсомола восьмилетка. Отвечает за нее Боровенская. Сколько она для этой школы сделала! Помогла оборудовать химический и физический кабинеты. Предложила организовать экскурсию пионеров в Краснодон и Севастополь. Поездом ехать долго и неудобно, с пересадками. И Люда добивается для ребят автобуса. Вышел на экраны фильм «Как вас теперь называть?..». Очень понравился он детям. А тут еще стало известно, что рядом, в Рубежном, живет герой этого фильма. И Люда торопится найти его и пригласить на встречу со школьниками... А праздничные утренники, а лагеря?..

В Луганске, на областной комсомольской конференции, Люду избрали делегатом на XV съезд ВЛКСМ.

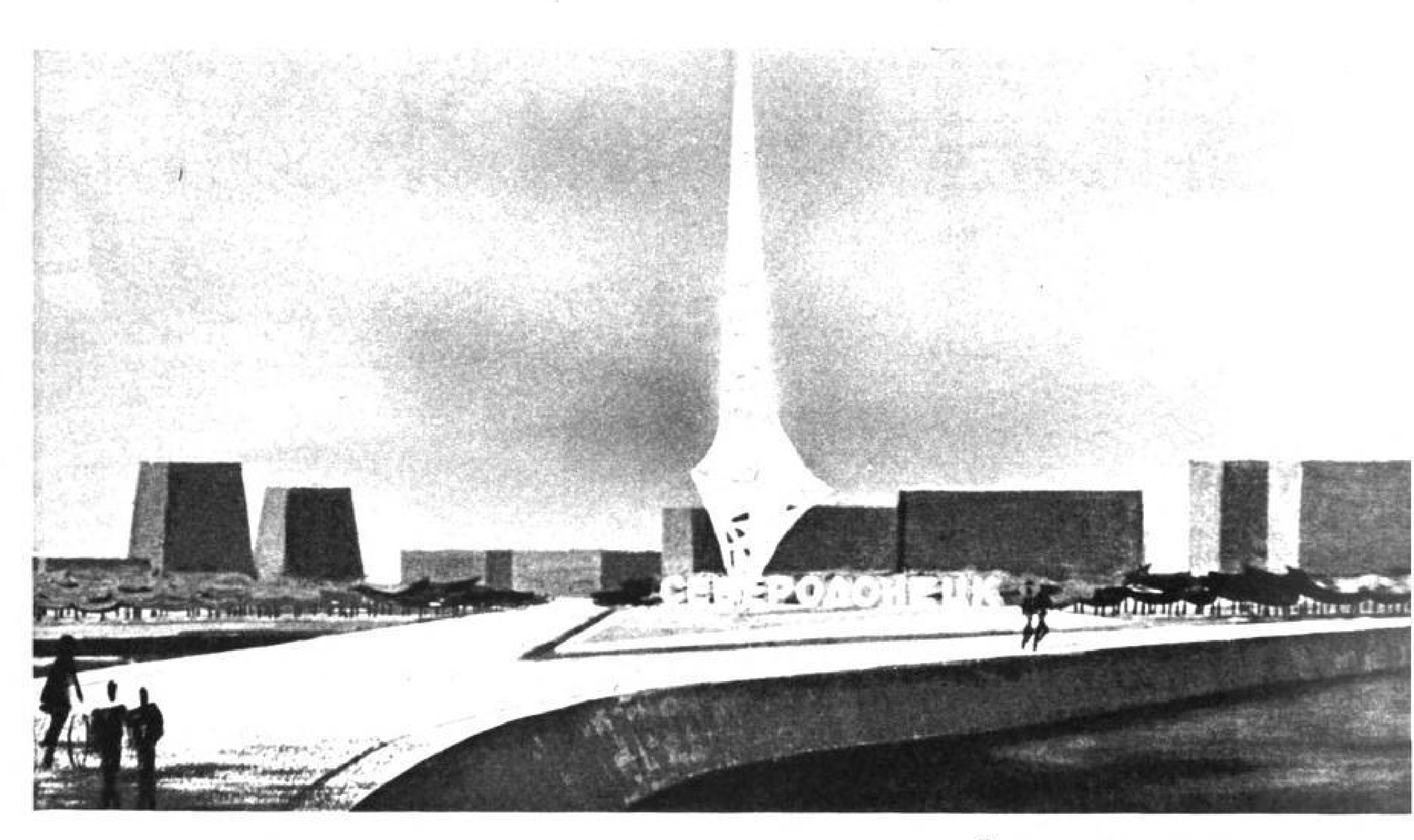
Когда хмурится Волга

Просторный кабинет главного архитектора города почти пуст. Стол, три стула и шкаф. На шкафу эскизы, на подоконнике стеклоблоки. Да еще проект монумента. Вот и все, что здесь есть. Что это, признак необжитости или стиль главного архитектора, который не терпит ничего лишнего?

Посмотрим эскизы. Ряды домов. Девятиэтажные. Даже двенадцатиэтажные. Какой мощный взлет получит город, как вознесется над песками! А это что? В вечернем небе, на фоне усеченных конусов, градирен и длинных прямоугольников с трубами, в кото-

приехал в Северодонецк. Здесь он участвует в создании вычислительных и управляющих машин...

Проект въезда в город.

рых угадываются контуры химкомбината, блестит, переливается гранями заостренный в тонкую иглу огромный кристалл. Стоит он на развилке шоссе, и внизу, у основания кристалла, серпом выложено: Северодонецк.

Здорово! Лаконичный и очень точный символ химической индустрии.

А вот и сам главный архитектор. Высокий молодой брюнет. Шагнул широким шагом к столу. Зазвонила междугородная.

— Волгу? Я слушаю. Да-да. Присылайте поскорее архитектора. Надо оформлять въезд в город.

Мы переглянулись. Волга? Что это: псевдоним или настоящая фамилия? Потом узнали, что настоящая, отцовская. Отец у него донбасский железнодорожник. Приехал Николай Семенович Волга на Северский, или, как его чаще называют, Северный Донец, строителем, желторотым птенцом, только что окончившим институт. Поставили его мастером на стройку четырехэтажного дома по улице Гагарина. Ну и покрутился он тогда! Ладно, попался знающий бригадир — Иван Нехороший. Сейчас он, кстати, к комсомольскому съезду опытный дом сдает. А в шестьдесят третьем году, когда Северодонецк стал городом областного подчинения, Николая выдвинули главным архитектором. Чтоб увереннее чувствовать себя на новом месте, поступил в аспирантуру. Обо всем этом Волга рассказывает в машине — мы едем знакомиться с городом.

...Советский проспект. Он как экватор, по обе стороны которого симметричными прямоугольниками легли кварталы. Свободно и привольно. Дома не жмутся друг к другу. Сады, скверы, бульвары. Улица Ленина в пирамидальных тополях. Сирень. Розы. За высоким забором строится Дворец культуры химкомбината. Гостиница, телеграф, сквер. Аллеи, газоны и привокзальная толчея. Оказывается, тут, в самом центре, междугородная автобусная станция.

— Здесь ее не будет,— говорит главный архитектор.— По генплану она выносится за черту города, на объездное шоссе. Добивался один директор, чтобы построили станцию на Заводской улице. Представляете, что бы было? Спасибо, поддержал первый секретарь горкома партии. Поехали вместе на предлагаемое тем директором место, и все увидели: нет, не годится. К сожалению, не всегда выходит поможему. Эскиз въезда в город видели? Понравился? Очень рад. А местные власти ни в какую. «Что это ваши,— говорят,— московские художники изобразили?» А мне этот кристалл ночью снится. Я так и вижу его: серебристо-алюминиевый, подсвеченный изнутри. Стоить он будет недорого.

На углу сквера, на шесте, как какой-нибудь временный дорожный знак, маячил орден и дата вручения под ним. На другом углу — другой.

— Что это значит?— удивились мы.

— Наглядная агитация,— вскипел наш собеседник.— Разве не понятно? Мне, впрочем, тоже не понятно. Но в горкоме комсомола разъяснили: «Наш город комсомольско-молодежный, и молодежь должна видеть, какими орденами награжден комсомол». Я пытался доказать, что в такой форме это некрасиво и портит облик улицы. Если уж делать, то надо делать по-настоящему. С фантазией. Чтоб романтика ощущалась. А мне в ответ: «Городу надо оформляться». Я комсомолец, и пришлось подчиниться большинству.

Машина остановилась у нового нарядного здания с декоративными панно. Дворец строителей. Снаружи довольно заурядный, внутри он оказался оформленным с тонким вкусом. К Дворцу примыкает спортивный комплекс. Светлый ангар зимнего теннисного корта. Закрытые спортивные площадки. И потом открытые теннисные корты. Теннис — любимый вид спорта в Северодонецке. Не случайно этот город стал местом всесоюзных теннисных встреч.

— А вот и наша «окраина»!

Мы — в центре будущей площади Победы. Отсюда обозревается обширная панорама. Шеренги новых жилых домов. Золотисто-стеклянный, только что открывшийся «Детский мир», в который с разбегу уперся Советский проспект. Строгие корпуса научно-исследовательских институтов, очень похожие на московские академические здания.

Впереди серебрилась мелкая зыбь Чистого озера. К нему как раз и подступит высотный район. В Киеве для него специально разрабатываются экспериментальные дома.

Первый прилавок

Училась Валя Массалитина в средней школе, готовившей продавцов. Практика в продмаге. И тут постигло Валю разочарование, чуть было не поколебавшее ее планы. Валя попала в хлебный отдел, а ей хотелось работать в промтоварном магазине.

Однако школа готовила продавцов только для продмагов. Тогда Валя разведала про специальное училище в Макеевке и после одиннадцатого класса уехала туда из родной Пантелеймоновки. Занималась с охотой. Когда пошли разговоры о том, что в Северодонецке откроется «Детский мир» — такого даже в Киеве нет! — Валина группа сдавала экзамены. Что и говорить, каждый стремился попасть в новый универмаг.

В январе из Макеевки в Северодонецк приехали тридцать комсомолок. На площади стоял трехэтажный прозрачный дом. Стеклянные створы галерей и витрин были замазаны мелом.

— Шо мы будем тут робить?— недоуменно пожимали плечами девчонки.

Открылась служебная дверь, и молодая женщина стрельнула своими быстрыми глазами:

— Вы не из Макеевки? А мы вас заждались. Проходите, не бойтесь.

Это была Антонина Ивановна Филиппова, и. о. директора «Детского мира». Работа нашлась. И сколько еще работы! Девушки мыли витрины, окна и двери, скоблили керамические плитки. Прибывали контейнеры с товарами, и, право же, никто не чувствовал тяжести детских колясок, коробок с обувью и радиоприемников, которыми наполнялись склады.

Началось распределение. Девчонки ходили вокруг парфюмерной и галантерейной секций. А Валя попросилась «на игрушку».

К открытию готовились, как к большому празднику. Одетые в одинаковые сиреневые платья, тщательно причесанные,— Антонина Ивановна предупредила, чтоб и «сами были в ажуре»,— они стояли у своих прилавков.

Валя очень волновалась. Ей казалось, что каким будет этот день, так пойдет потом и дальше. Она даже загадала, что если у нее сразу купят куклу, то все будет хорошо.

Куклу купили. Она была далеко не лучшей в Валиной коллекции. Но девочка выбрала именно эту — в ярко-зеленом платье, с белыми косичками. Валя заворачивала первую покупку, а у прилавка вырос хвост. Пошло! Валя еле поспевала.

В тот первый день комсомолки Неля Библова, Валя Массалитина и Света Смалинская продали мягкой игрушки почти на тысячу рублей. И сколько ни будет потом в Валиной жизни прилавков, она всегда будет помнить этот, свой,— первый.

КРУПНЕЙШАЯ СТРОЙКА ЧЕХОСЛОВАКИИ

Кто бывал в Кошице раньше, тот этого города теперь не узнает. Здесь сооружается Восточнословацкий металлургический комбинат, территория которого займет семь тысяч гектаров. Это крупнейшая стройка социалистической Чехословакии.

Строительство комбината началось в 1960 году. В июне прошлого года была пущена первая доменная печь — самая современная в стране. По сравнению с другими металлургическими заводами производительность труда здесь будет в два, а рентабельность в несколько раз выше.

2,5 миллиона тонн стали в год будут производить в конвертерах с кислородным дутьем. В 1970 году Восточнословацкий металлургический комбинат даст народному хозяйству 75 процентов общегосударственной продукции листового проката и 20 процентов стали.

В начале декабря прошлого года был пущен в пробную эксплуатацию теплый широколенточный прокатный цех, завершается строительство стокамерной коксовой батареи.

Строительство Восточнословацкого металлургического комбината не обошлось без помощи советского народа. Советский Союз предоставил документацию, обучил на металлургических заводах в Череповце и Кривом Роге десятки специалистов.

Комбинат будет работать на советской железной руде, для транспортировки которой от советской границы построена 90-километровая железнодорожная линия.

С рождением этого крупнейшего предприятия изменилась жизнь этой еще до недавнего времени отсталой области республики. Тысячи людей из деревень нашли постоянную работу на новом комбинате в Кошице. Изменился облик города и его окрестностей. Только в прошлом году было построено 3 тысячи квартир. Весь город превратился в крупную стройку. В его новых кварталах будут жить 70 тысяч человек.

М. ЭЗРОВИЧ

На снимке: строительство второй доменной печи на металлургическом комбинате в Кошице. Монтажники во главе с Ондржеем Калатой из Остравы подготавливают шасси подъемного крана для монтажа нагревателей воздуха...

Фото Прагопресс.

«МЫ КРАСНАЯ КАВАЛЕРИЯ...»

В январе 1920 года в Ростов-на-Дону вступили легендарные конники Буденного. Улица, по которой шла тогда конная армия, зовется Буденновским проспектом. Недавно на проспекте был торжественно, при огромном стечении народа, открыт бюст прославленного земляка донцев, выдающегося советского полководца, дважды Героя Советского Союза Маршала Семена Михайловича Буденного.

Скульптурный портрет полководца создан народным художником СССР скульптором Е. В. Вучетичем и архитектором И. И. Ловейко.

Чтобы поздравить дорогого земляка, в Ростов приехали М. А. Шолохов и Е. В. Вучетич. На торжественном митинге выступил секретарь Ростовского обкома партии М. С. Соломенцев. С душевной теплотой говорил о Семене Михайловиче М. А. Шолохов.

В ответной речи Маршал сердечно поблагодарил за радушную встречу.

Митинг окончен. И над проспектом, над соседними улицами гремит знаменитый марш Буденного.

Михаил АНДРИАСОВ

Фото М. Зорина и Г. Дружелюбова.

Ростов-на-Дону.

ОПРОКИНУТОЕ НЕБО

Борис ИВАНОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Чуть ли не в самом центре Тбилиси высится гора Мтацминда. Она главенствует над городом не только своей массой. Для грузин и русских гора Мтацминда значительна еще и как символ верности, кровного родства, нерушимой дружбы. В ее недрах покоится прах Александра Грибоедова и Нино Чавчавадзе, прах многих замечательных людей Грузии, своим талантом прославивших родину и народ.

Летом вершина горы — любимое место отдыха тысяч и тысяч горожан. Они устремляются туда на машинах, идут пешком, поднимаются на фуникулере, чтобы вздохнуть полной грудью, освежиться после томительного зноя. Вечером с высокой горы открывается взору удивительная картина: будто опрокинулось небо и звезды мерцают не как привычно, над головой, а под ногами, смотрят на вас снизу вверх. На мгновение кружится голова, кажется, что это вас опрокинули на каких-то гигантских качелях. Это впечатление усиливает еще и ветер, свистящий в ушах. Но проходит секунда, другая, и начинаешь различать бегущие далеко внизу автомобили, троллейбусы, блеск реклам, слышишь, как хрустит гравий под подошвами ботинок, и снова чувствуешь себя в обычном для человека положении.

Нечто подобное я вновь пережил уже за тысячи километров от Тбилиси, когда поздним вечером стоял на площадке Намызыка, любуясь панорамой строительства высотной Асуанской плотины. В Асуан привела меня журналистская судьба в третий раз, и первым порывом, естественно, было — взглянуть на стройку. Свойственное человеческому характеру желание — скорее увидеть после долгой разлуки то, о чем скучал, мечтал месяцы и годы.

И, как всегда в этих случаях, пристально вглядываешься в, казалось бы, навсегда запомнившиеся черты, ищешь глазами когда-то запечатлевшийся образ и ничего, кроме общего контура, поначалу не находишь. Постепенно из густого тумана времени проступают знакомые линии, но и они не могут вернуть к тем далеким дням и часам расставания, воскресить в полной мере прошлое. С годами (ох, уж эти годы!) и знакомые линии претерпели изменения, стали значительнее, яснее, обрели свою законченность. Появились и новые.

Внизу мерцали, тлели, подмигивали тысячи огней. Одни были крупные, яркие, и лучи от них длинными стрелами врезались в черноту ночи. Другие, помельче, дрожали, готовые вот-вот погаснуть. Третьи, как метеориты, вспыхивали зеленым блеском на несколько мгновений и взрывчато гасли, разбрасывая вокруг брызги искр. Словно какой-то сказочный волшебник сгреб с неба все звезды в одну горсть и бросил их на землю.

Стройка купалась в огнях. Даже с площадки Намызыка, за несколько сот метров от объекта, все было хорошо видно и различимо. Помнится, два года назад через Нил тянулась узкая полоска земли. То была первая очередь плотины. Сейчас на этом месте высится широченный вал (за два года в тело плотины уложено около двадцати миллионов кубических метров песка, камня и глины), вал, по которому сновали самосвалы, ползли тракторы, волоча огромные трамбовочные катки, переваливались с кормы на нос, как на волнах, бульдозеры, рядами тянулись стальные трубы. И все это двигалось, урчало, лязгало в определенном ритме и строгом порядке. Рука невидимого дирижера мастерски управляла симфонией, называемой Садд аль-Аали — строительством высотной Асуанской плотины. Плотина нынче похожа (это я уже заметил на другой день) на слоеный пирог. Только вместо хрустящих корочек — гранитные откосы, каждый толщиной в двадцать метров, а начинкой служат два слоя песка, между которыми слой глины — ядро плотины.

Кстати, о глине. Песка, как нетрудно догадаться, в Ливийской пустыне предостаточно, камня в Нубийской, что раскинулась по другую сторону Нила, тоже полно. А вот глины окрест не было. Уже подумывали привозить ее в Египет наряду с машинами, арматурой, цементом из Советского Союза. В копеечку бы стала такая глина. Что делать? Тогда решили геологи еще раз полазить по пустыням. Кому-то пришло в голову исследовать валуны, щедро разбросанные между гранитными холмами Нубии. За миллиарды лет под воздействием солнца, ветра, различных земных катаклизмов глина вполне могла превратиться в камень. Раздробили один такой гранитной крепости камешек, помочили его водой — и что же оказалось? Глина! Самая настоящая, мелкоструктурная. В общем, как говорится: ищи и обрящешь.

А глина позарез нужна была не только для ядра плотины.

Известно: вода камень точит. Где проникла капля, туда за ней устремляется другая и третья. А это уже ручеек, от которого до катастрофы рукой подать. Ведь плотина подопрет сто пятьдесят семь миллиардов кубометров воды. Если эта масса хлынет вниз, от Египта со всеми его городами и селами не останется и следа — все смоет в Средиземное море.

Чтобы это во веки веков не произошло, высотная Асуанская плотина растет от нулевой отметки, иными словами, от дна Нила, не только вверх, но и вниз. Помимо мощной надводной части высотой в сто одиннадцать метров и равной по объему семнадцати пирамидам Хеопса (ширина плотины у основания—без малого километр, а по гребню—сорок метров), возводится на глубину 180 метров, до скального основания Нила, ее подводная половина — противофильтрационная завеса. Как видно из цифр, вниз плотина уйдет даже на большее расстояние, чем подымется вверх.

По масштабам работ, по сложности выполнения завеса не имеет прецедента в практике мирового гидротехнического строительства. Представьте себе длину в 270 километров. Это длина всех скважин, которые предстоит пробурить. Скважины бурятся на расстоянии 5—10 метров друг от друга. В них под давлением в несколько десятков атмосфер подается раствор, который по горизонтам заполняет все пустоты в грунте. Застывая, он превращает грунт в непроницаемый щит, опущенный вдоль оси плотины. Таким образом, ядро плотины спаяется со скальным основанием русла Нила в единый монолит. В природе нет силы, способной сорвать такой замок.

Чтобы успешно решить эту трудную новаторскую задачу, нужно было построить высокопроизводительную базу инъекционных растворов (целый завод), соорудить установку вторичного смешения, оборудовать их уникальными машинами. Кроме того, требовалось протянуть под плотиной для бурильных работ галереи, по своим размерам мало уступающие водосбросным тоннелям, общая длина которых—свыше полутора километров.

Говорю «нужно было», «требовалось», все в прошедшем времени, ибо в настоящем агрегаты действуют на полную мощь, управляемые и контролируемые автоматическими устройствами и приборами. Раствор, состоящий из глины (видите, где еще необходима глина), жидкого стекла, цемента, бесперебойно подается по трубам к скважинам и дальше гонится вниз, вниз, наращивая щит.

Направляясь к зданию электростанции, я думал: а ведь два года назад ничего подобного здесь, в Садд аль-Аали, еще не было. Вот она, новая линия стройки, изменившая ее облик. Да и одна ли?! Конечно, нет. Зданием электростанции тогда называли лишь ее основание. Это было как бы приглашением к сооружению. Приглашение охотно приняли мастера своего дела. И пошли они от одного цикла работ к другому уверенно и бережливо. Результат перед моими глазами. Откосы скалы, а здание словно срослось с ней, облицованы ровными бетонными плитами. Предлагалось вначале произвести деревянную опалубку. Зачем? Не проще ли готовить плиты на полигоне? Проще. Да еще и дешевле. Не надо лесов. Меньше кранов. Меньше рабочих.

Полным ходом идет монтаж турбинного зала. И здесь советские мастера-гидростроители проявили бережливость. Почему не порадеть доброму другу арабскому народу! Металлическую облицовку для спиральных камер турбин собирают на специальном стенде. Опять же легче, экономичнее. Затем по частям доставляют к гнездам.

Водоприемник почти готов. Он стоит величаво, как древние храмы Карнака. Такое впечатление создается, может быть, еще и потому, что кругом, куда ни кинешь взор, раскинулась безбрежная пустыня.

Ну что я все о предметах, как говорится, неодушевленных? Не пора ли о тех, кто в плотину, заводы, электростанцию вкладывает свою душу и разум? О тех, кто зажигает на земле звезды.

БЕГ С ФИНИШЕМ

Почему я так назвал эту главу? Ведь в спорте не может быть бега, гонки без финиша. Казалось, и в жизни все имеет свое начало и свой конец. Однако твердо это утверждать я бы не рискнул. В мире есть много судеб, которые заканчивают свой бег по жизни словно без финиша. Мечтают, надеются, борются, но так, ничего и не добившись, сходят с беговой дорожки. Таких людей называют иногда неудачниками. Нет, люди здесь ни при чем. Неудачен строй, общество, в котором они родились.

Другое дело — Советский Союз. У нас каждый человек, по старой поговорке,— кузнец своего счастья. Если он полон желания, воли, настойчивости, терпения, цель им будет всегда достигнута. Но и у нас

есть люди, которые приходят к финишу по-разному: одни медленнее, другие быстрее и с меньшим напряжением сил. У таких финиш определяется хорошо взятым стартом. К людям, хорошо стартовавшим, принадлежит и Юрий Павшинский — начальник Управления монтажных работ Асуанской стройки. Он как бы родился в рубашке гидротехника. Отец его Яков, крупный инженер, сооружал Днепрогэс, по тем временам крупнейшую гидростанцию страны. Строительство шло на глазах мальчугана. В «Правде» даже была напечатана фотография Юрия, снятого на Днепровской плотине в дни пуска ГЭС. Фотокорреспондент тогда никак не предполагал, что он зафиксировал старт Павшинского-младшего и что через тридцать лет его портрет вновь появится на страницах этой газеты, но уже в иной роли — не дошкольника, а знатного строителя Асуанского гидротехнического комплекса. Сколько воды утекло с тех пор и в родном Днепре и в Ниле, на берегу которого мы с ним беседуем! Во всех реках вода не стоит на месте. Только в одних она течет бурно, напористо, в других — плавно, разливно.

Внизу под нами урчат самосвалы, шуршат портальные краны, вспыхивают огоньки сварок. Плещется зеленоватая вода, ползут струйки выхлопных газов от машин. Сварщики крепят блоки облицовки спиральных камер, идет монтаж статоров турбин. Юрий одет в серый легкий костюм. Его голубые глаза полны внимания и озабоченности. Они все время начеку. Еще бы! Сколько каждый час возникает больших и малых вопросов, требующих быстрого и толкового решения. Разговор иногда прерывают на полуслове: то наш подойдет специалист, то арабский. Павшинский со всеми любезен. Отвечает обстоятельно, но очень коротко, не раздражается, если нужно повторить. «Волевой, воспитанный человек»,— подумал я.

— Все люди разные. Но у каждого есть сердце,— неожиданно подхватил мою мысль Павшинский, развивая ее.— Понять это помог мне в юности младший лейтенант Алексей Петров родом с Урала. «Сердце, хлопчик, самый чуткий инструмент в нас,— говорил Алексей,— оно никогда не простит лжи. Живи с людьми по справедливости, не обманешься...» Но не столько слова, сколько само поведение Алексея запомнилось мне на всю жизнь. В сорок четвертом попал я по комсомольскому призыву в Дунайскую флотилию. Было мне семнадцать. Переправляли снаряды. Осень, ветер со снегом, волна высокая. Суденышко малое, болтает. Обмундирование хлипкое. Обстрелянные — те ничего. А меня, новичка, сильно пробрало. Слег было совсем. Алексей выходил. Не поверите — ноги мои обледеневшие на своей груди отогревал. Стеснялся я. А он мне: «Доброты стесняться не надо». Когда поправился, окреп, стал, как все, говорю Петрову: «Уж и не знаю, как вас отблагодарить». «Добром к другим»,— ответил он мне. Да-а-а!

Юрий Павшинский произнес «да» — задумчиво, врастяжку, словно проверяя, а так ли он верен завету лейтенанта с Урала.

После войны Павшинский-младший вернулся в Запорожье. Поступил в гидроэнерготехникум. Влюбился в однокурсницу Лиду, от которой у него сейчас двое дочерей. После техникума работал в днепропетровском управлении «Гидромонтаж», но учебу не бросил. Повышал знания в вечернем машиностроительном институте. Потом началась скитальческая жизнь строителя: Каховская ГЭС, Кременчугская, Днепродзержинская. И, наконец, высотная Асуанская плотина.

— Вначале, знаете, как-то не по себе в Асуане было. Поразил размах, пейзаж? Конечно. Жара мучила. Но и что-то другое не давало покоя. И вода как вода. И бетон тот же. И машины знакомые. И грохот кругом привычный... В чем же дело? Понял позднее, когда дружок, вернувшийся из отпуска, вручил мне от родных подарок — буханку ржаного хлеба. Запах, оказывается, кругом был другим. И вода и бетон — все пахло не так, как дома... И дым отечества нам сладок и приятен. Теперь пообвык... И еще арабские рабочие. Вам приходилось, наверное, видеть лицо человека, который полон счастья, а высказать его не умеет... Скромные люди, отзывчивые и очень сметливые. Буквально все схватывают на лету. Хусейн, Махмуд Хусейн год назад отлично держал в руках мотыгу. А теперь — рули экскаватора. Быстро овладел новой профессией. Вон он идет.

По склону, чуть наклонившись вперед, подымался высокий молодой человек.

— Вы здесь не первый раз,— продолжал Павшинский,— заметили, наверное, как изменилась внешность арабского рабочего. Недавно и в праздник и в будни на нем была одна и та же галабия. Сейчас большинство одето в европейские костюмы. Это немаловажный факт для здешних мест. Повысился уровень жизни народа. Достаток принесла стройка.

Есть такая русская поговорка: по одежке встречают, по уму провожают. Изменилась не только внешность людей, но и их характер, привычки, мировоззрение. Они стали самостоятельнее, независимее, выросло чувство достоинства. Раболепие, страх, угодничество, воспитываемые местными феодалами и английскими колонизаторами, канули в вечность. Люди выпрямились, стали выше держать голову.

Юрий Яковлевич рассказывал об этом увлеченно, горячо, с ноткой радости в голосе.

Солнце меж тем подымалось все выше и выше. Жара становилась нестерпимее. Павшинского ждали дела. На стройке долго не поговоришь. А меня ждал в клубе Сахара-сити Есенин. Мы еще вчера с ним договорились там встретиться в полдень.

Петросян ведет

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Не следует утверждать, что окончание одиннадцатой партии войдет в историю как курьез. Но решение чемпиона мира после 20-го хода предложить ничью, имея лишнюю пешку, окутано туманом. Приводим окончание:

Т. Петросян

Б. Спасский

Последовало:
21. Фс4—b5 ...
Вместо того, чтобы отыграть пешку путем 21. Л:h7, Спасский решился на этот непонятный ход.
21... g7—g6
22. Лh5—h4 ...
Подозреваем претендента, что он ходом 21. Фb5 заготовил комбинацию 22. Л:d7 Л:d7 23. Л:c5, но поздно заметил, что она опровергается сильным ответом 23... Фd6.
22... 0—0
23. Фb5—c6 Фc7:c6
24. Ce4:c6 Kd7—e5
25. Лd1:d8 Лf8:d8
26. Cc6—b5
Здесь Б. Спасский с облегчением вздохнул, когда Т. Петросян предложил ничью... Почему? Почему?

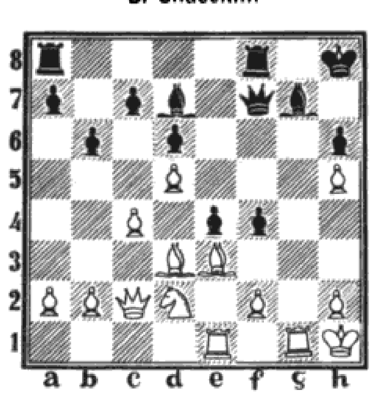
Нельзя, конечно, сказать, что позиция Спасского безнадежна. Но после 26... Kpg7 черные без всякого риска могут попытаться реализовать лишнюю пешку.

Точный ответ, почему была предложена ничья, может дать только сам Т. Петросян. В пресс-бюро одни догадались, что при счете 6:4 каждая ничья — шаг вперед для Т. Петросяна и шаг назад для Б. Спасского. Другие комментаторы объяснили, что Т. Петросяну, редактору газеты «Шахматная Москва», не жалко было сделать небольшой подарок журналисту Б. Спасскому накануне Дня печати.

* * *

Да, Т. Петросян в этом матче не жадничает. Он неоднократно жертвовал пешки, четыре раза — качество, причем в десятой партии — два раза. В двенадцатой партии, самой волнующей и захватывающей, чемпион мира создал блестящий фейерверк, пламя, даже пожар. Это возникло после 28-го хода. Б. Спасский разгуливал по сцене внешне спокойный, а чемпион мира думал и думал, минут двадцать пять. Многим казалось, что Петросян недоволен своей позицией, что он нервничает. К тому же времени оставалось не так уж много — 15 минут на 12 ходов. У белых богатый ассортимент ходов, но они нашли такой ядовитый ход, который поставил Спасского в безвыходное положение. Чемпион мира не взял пешку черных, не ушел ни тем, ни другим слоном, находящимися под ударом, а, наоборот, пожертвовал качество.

Б. Спасский

Т. Петросян

29. Лg1:g7!! ...
Жертва качества — высокого качества!
29... Фf7:g7
30. Лe1—g1 Фg7—e5
31. Kd2—f3! e4:d3
Или 31... e:f3 32. Cd2 и нет защиты от смертельных угроз белых.
32. Kf3:e5 ...
В разгаре борьбы Т. Петросян не довел свой красивый замысел до победы, которая достигалась путем 32. Ф:d3 Cf5 33. K:e5 C:d3 34. Cd4 d:e 35. C:e5+ Kph7 36. Лg7+ Kph8 37. Л:c7+ Kpg8 38. Лg7+ Kph8 39. Л:a7+ Kpg8 40. Лg7+ Kph8 41. Лg3+ Kph7 42. Л:d3 Л:a2 43. Kpg2 и т. д. Чемпион мира, очевидно, пал жертвой галлюцинации: он, кажется, испугался 34... Ce4+, на что, однако, белые выигрывали ходом 35. Kf3+.
32... d3:c2
33. Ce3—d4 d6:e5
34. Cd4:e5+ Kph8—h7
35. Лg1—g7+ ...
Подобные позиции называются «мельницей». В такую «мельницу» в Москве в 1925 году попал Э. Ласкер в партии с молодым мексиканцем К. Торре.
35... Kph7—h8
36. Лg7—f7+ ...
Из-за сильной пешки c2 у черных белые не могут добиться победы. Они дали еще два шаха, после чего Спасский потребовал ничью из-за повторения позиции.

Михаил Таль заявил, что «из-за ошибки на 32-м ходу Петросян упустил возможность создать бессмертную партию двадцатого века».

Этот подарок сделал Т. Петросян Б. Спасскому ко Дню радио.

Несмотря на эти упущенные возможности, Т. Петросян успешно завершил первый хавтайм, после которого он уверенно лидирует со счетом 7:5.

Знатный строитель высотной Асуанской плотины Юрий Павшинский.

Все ближе к пустым домам нубийских деревень подбираются волны Асуанского водохранилища.

Идет монтаж статоров Асуанской гидроэлектростанции.

встреча с юностью

Слова Иосифа **СВЕТЛИЧНОГО**.

Музыка Вадима **СЕРЕЖНИКОВА**.

Верный слову,
сердечному зову,
Я ступаю на школьный порог.
— Здравствуй, школа!
С тобою я снова.
Здравствуй, милый, веселый
звонок,
Добрый день,
Добрый день,
Серебристый, веселый звонок!

Я иду по знакомой тропинке,
Где когда-то тебя провожал...
А на клене сверкают росинки,
Этот клен я с тобою сажал.
Помнишь ты,
Помнишь ты,
Этот клен я с тобою сажал.

Пламенеют багряные зори,
Словно жар пионерских
костров.
Я иду,
я иду как историк
По следам отшумевших годов.
Я иду,
Я иду
По следам отшумевших годов.

Где бы ни был, куда бы
ни шел я,
Светят мне золотые огни,
Говорит мне любимая школа:
— Отблеск юности в сердце
храни!
Ты всегда,
Ты всегда
Отблеск юности в сердце храни!

НА ПУТИ К ЭКРАНУ

— СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ ЖИЗНИ затрагиваем мы с Ю. Райзманом в фильме «Сын коммуниста»,— говорит сценарист Е. Габрилович.— Это как бы продолжение картины «Коммунист» на современном этапе. Герой фильма — Василий Губанов, директор крупного химического института. Ему предстоит на протяжении двух серий черно-белого фильма решить ряд серьезных, не только производственных, но и нравственных, человеческих проблем, волнующих современного зрителя.

— ФЕВРАЛЬ 1917 ГОДА. По мостовой Петрограда плетется пролетка. На козлах кучер, щупленький старикашка: кафтан обтрепан, а на голове роскошный цилиндр. Так вот, старый кучер Федор — это я, вернее, моя новая роль в недавно отснятой на «Ленфильме» картине режиссера Л. Квинихидзе «Первый посетитель» по сценарию Д. Гранина,— рассказывает народный артист СССР Борис Чирков... Вместе с главным героем, молодым деревенским пареньком, первым посетителем Ленина в Смольном, старик Федор ищет правду у новой власти. Роль эта очень интересна для актера.

— НАКОНЕЦ-ТО, наконец-то я вас вижу, шесть лет не виделись, и ни одного письма, даже строчки! — темпераментно говорит моложавая дама, порхающим шагом направляясь к нарумяненному старцу...

В павильоне «Мосфильма» идет съемка картины «Дядюшкин сон» по повести Достоевского. Роль темпераментной дамы, Марьи Александровны Москалевой, исполняет народная артистка республики Л. Смирнова. Это интересный многоплановый образ — дьявольски изобретательная, хитрая и по-своему умная женщина.

— Я счастлива,— говорит Лидия Смирнова,— что режиссер фильма К. Воинов остановил свой выбор на мне, что работаю в содружестве с такими актерами, как С. Мартинсон, Н. Мордюкова, Н. Крючков, Н. Рыбников, К. Лучко, Л. Шагалова, А. Ларионова, Ж. Прохоренко.

У НОВОЙ ЦВЕТНОЙ широкоформатной комедии «Королевская регата» три сценариста: Б. Васильев, С. Листов, К. Рапопорт. Всех троих мы застали в монтажной «Мосфильма».

— Работа над комедией подходит к концу. Сюжет же ее родился еще в 50-х годах, когда студенты МАИ, организовав команду гребцов на академической восьмерке, впервые в истории выиграли в Англии королевскую регату. Это событие и легло в основу нашего фильма, поначалу серьезного. В процессе работы над сценарием сюжет обрастал комедийными моментами. Мы не будем пересказывать содержание комедии, скажем только, что зрители увидят и документальные и игровые кадры. Режиссер комедии — Ю. Чулюкин, операторы — П. Сатуновский и Г. Шатров, художник — Д. Виницкий.

РЕЖИССЕР А. ПТУШКО решил перенести пушкинскую «Сказку о царе Салтане» на экран. И вот уже на «Мосфильме» выстроен город «со дворцом, с златоглавыми церквами». Выступает, «будто пава», царевна-лебедь — К. Рябинкина, подстреливает чародея Гвидон — О. Видов, кручинится царица — Л. Голубкина, а рыжий боярин... Стоп! Предоставим слово народному артисту республики С. Мартинсону.

— Не удивляйтесь: роль рыжего боярина в фильме чуть ли не главная, хотя в пушкинской сказке вовсе нет такого персонажа! Весь текст, связанный с проделками ткачихи, поварихи и сватьи бабы Бабарихи, читает рыжий боярин — активное действующее лицо нового фильма.

ЖЕНЩИНА ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ и смотрит вокруг потускневшими глазами.

— Здравствуй, поле,— тихо говорит она.

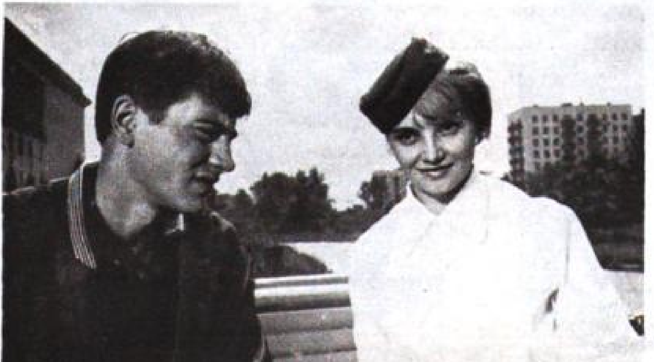
— Здравствуй, Толгонай. Ты пришла? И еще постарела. Совсем седая. С посошком.

Так начинается повесть Ч. Айтматова «Материнское поле». Экранизацию ведет студия «Киргизфильм». И расскажет Толгонай — теперь уже с экрана — о своей юности; о трех сыновьях, что росли, как молодые тополя; о войне, которая отняла их всех до одного. О жизни, прекрасной и мудрой, несмотря на горе и лишения... Фильм по сценарию Ч. Айтматова и Б. Добродеева ставит режиссер Г. Базаров.

Рабочий момент съемки фильма «Дядюшкин сон». Режиссер К. Воинов с актерами Л. Смирновой и С. Мартинсоном.

Главные герои «Королевской регаты»: Вася — В. Смирницкий, Аленка — Н. Кустинская.

«Сказка о царе Салтане». Князь Гвидон — О. Видов, царевна-лебедь — К. Рябинкина.

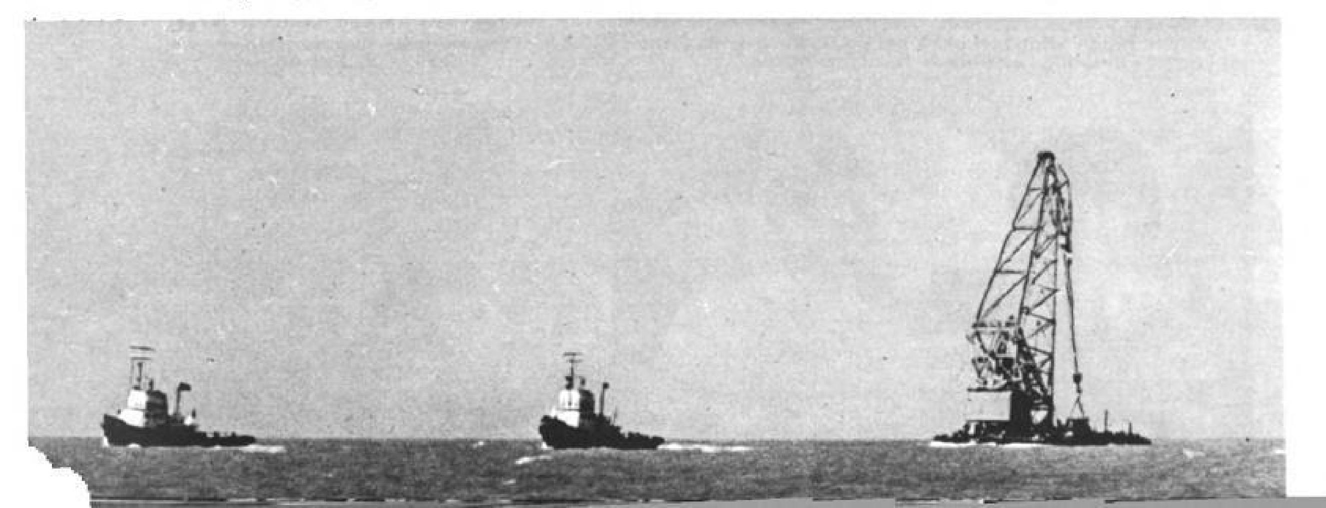

О. КНОРРИНГ

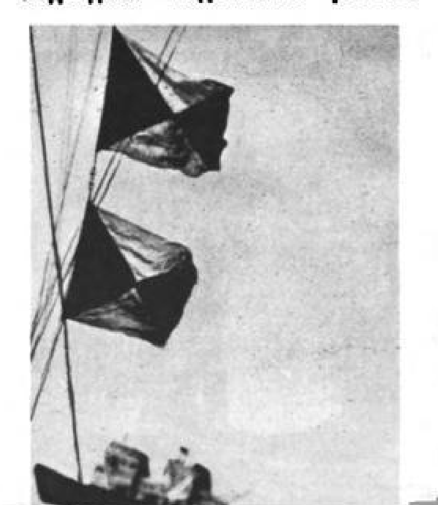
Фото автора.

ЛЮДИ В МЕДН

Эскадра идет строить...

Сигнал, известный морякам:— Не подходить — водолазные работы!

Плавучий кран

Три богатыря-подводника: И. М. Рыков, Г. П. Бурдаков и В. М. Жаденов.

ЭСКАДРА ИДЕТ СТРОИТЬ

Огромная стрела плавучего крана, прочертив в воздухе полукруг, мягко опустила в воду шестидесятитонную бетонную глыбу — и два водолаза тотчас исчезли под водой, чтобы проверить, правильно ли она легла на грунт.

Я на палубе плавучего крана. Это махина высотой с семиэтажный дом, похожая на ферму железнодорожного моста, поставленную вертикально. Мощность крана изрядная. Груз весом в сто тонн он держит запросто и при этом ухитряется еще плавать по морю и не опрокидываться.

На Кавказском побережье море непрерывно наступает на сушу. Волны размывают берег. Чтобы остановить этот процесс, строят десятки километров волнозащитных стенок, сотни бун для наращивания пляжей, в особо опасных местах уложены волноломы.

Почти никакое подводное строительство невозможно без мощной и сложной техники. К месту работы прибыла целая эскадра: два плавучих крана, три буксирных теплохода, два судна с водолазами и крошечный портовый катер «Бычок». Оба крана работают рядом. Один очищает дно от валунов и крупного булыжника, другой укладывает монолиты. Рядом на якоре водолазные катера. Розовые резиновые шланги тянутся с их кормы к работающим под водой водолазам. Задача подводников — приготовить из мелкого булыжника постель для железобетонных конструкций. Выровнять ее, довести до заданной отметки. Работа тяжелая. Попробуй-ка в течение нескольких часов поворочать под водой трехпудовые каменюки. Но водолазы — народ крепкий.

— Майна помалу!

Несмотря на качку, гигантский кран с ювелирной точностью кладет секцию волнолома по месту.

Вахтенный капитан Борис Иванович Дружаев облегченно вздыхает: «Порядок! Можно укладывать следующую».

Строители спешат. Надо использовать хорошую погоду, а то придется, как прошлый раз, ничего не успев сделать, удирать всей армадой и прятаться от волн за стенкой Сочинского мола.

«КОНЦЫ ИЗ ВОДЫ»

— Самое приятное — это когда концы из воды.

Эту фразу я впервые услышал на Химкинском водохранилище из уст начальника экспедиционного отряда «Подводречстроя» Леонида Дмитриевича Трощенко. Видя мое недоумение, он пояснил:

— Обычно все говорят концы в воду, а подводники — «концы из воды». Ведь когда укладывается дюкер — так называется трубопровод, уложенный по дну водоема,— на берегу остаются торчащие концы труб. К ним потом присоединяется линия, протянутая по суше. Вот мы и говорим: «Готово! Концы из воды».

Через водохранилище, а ширина его в этом месте — шестьсот метров, нужно уложить две полутораметровые канализационные трубы. Для этого на дне роется траншея глубиной в пять метров, а шириной почти в двадцать.

— Вы, поди, раньше думали, — рассказывает Леонид Дмитриевич,— что водолазы это там, где затонувшие корабли, разные «Черные принцы», скрытые в море сокровища пиратов и тому подобная экзотика? Подъемом судов мы, конечно, занимались много, особенно после войны, да и сейчас иногда приходится. Но сегодня не это главное. Ни одна стройка, так или иначе связанная с водой, не может обойтись без водолазов. Фантически мы сейчас специализированная строительная организация, вроде, скажем, Метростроя. Выполняем самые различные виды работ: прокладываем через водоемы газо- и нефтепроводы, строим подводные водозаборные устройства для водопровода, сооружаем причалы, участвуем в строительстве ГЭС, каналов и всевозможных гидросооружений. Всего не перечтешь. Кочуем по всей стране. Нашим водолазам приходится трудиться и подо льдом и в горячей воде — это когда они обслуживают тепловые электростанции...

Сейчас в Советском Союзе водолазные работы ведут многие ведомства. Дела хватает всем, плохо другое. Водолазово у каждой организации понемногу. Поэтому и нет к ним должного внимания. Техника распылена и устарела, не ведется научно-исследовательская работа, нет специализированных проектных институтов, плохо с подготовкой кадров.

А когда-то всем этим занимался один «Эпрон». Ветераны и сейчас вспоминают о нем. Это был не идеал, но все же существовал какой-то единый центр, где концентрировался опыт, создавалась новая техника, готовились квалифицированные кадры.

...ЧЕГО ТОЛЬКО НЕ БЫВАЕТ В ЖИЗНИ

В небольшой будке собрались водолазы. Пришла новая смена. Перекур. Пользуюсь случаем и завожу разговор о работе под водой.

— Да что о нас рассказывать,— отозвался старый водолаз Сергей Дмитриевич Самков.— Люди как люди. Обыкновенные.

Подводный строитель — человек трудной, опасной профессии, требующей железного здоровья, смелости, хладнокровия и многих знаний. Он плотник и электросварщик, газорезчик и такелажник, бетонщик и слесарь. Должен разбираться и во взрывном деле. Притом уметь работать в громоздком, неудобном костюме, под водой, в абсолютной темноте, на ощупь. Хороший водолаз, говорят они про себя, под водой и часы сумеет починить.

Тридцать лет жизни отдал водолазному делу Сергей Дмитриевич. В общей сложности почти полтора года пробыл под водой. Сотни километров прошел, а вернее, прополз, по морскому и речному дну, несколько раз был на волосок от смерти. Как-то придавил его затонувший станок. Другой раз чуть не убила, ударив по животу, вырвавшаяся из рук металлическая головка шланга гидромонитора. Каждую минуту мог подорваться, когда, ползая на четвереньках в абсолютной темноте, очищал дно московских водохранилищ от мин и неразорвавшихся снарядов, оставшихся после войны.

Слово за слово, водолазы постепенно разговорились. Стали вспоминать случаи, происшедшие с ними или их товарищами. Вспомнили, как при разминировании Днепрогэса в патернах плотины погибло несколько водолазов; как в Ленинграде извлекли снаряды из затонувшей баржи; как вытаскивали из Оки станки эвакуированного завода: эшелон с заводским оборудованием потерпел крушение на Каширском мосту. Вспомнили про водолаза Хомякова — его завалило под водой на реке Уча: строили водозаборное сооружение, и на Хомякова обвалилась четырехметровая стена траншеи. Два с половиной часа струей мощного гидромонитора вымывали его тогда товарищи из-под грунта.

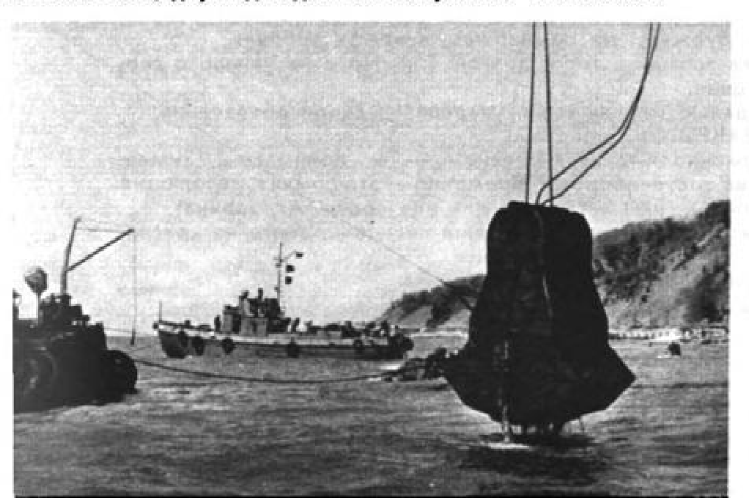
Кто-то рассказал про случай, когда у водолаза, осматривавшего подводную часть плотины ГЭС, засосало ногу в отверстие патерны. Как ни старался, а освободить ногу не удавалось, тогда он дополнительно застропил ее тросом. Вытащить-то вытащили, только поломали ногу в нескольких местах.

В разговор вмешался Петр Филиппович Бондаренко, водолаз с двадцативосьмилетним стажем:

— Разминированием и тому подобным мы все занимались. А вот скажите, приходилось ли кому-нибудь из вас спускаться в пиво?! А я спускался, честное слово. В Астрахани на пивном заводе в резервуаре кран испортился. Да пиво что... Борис Петрович Веселов, так тот в цистерну со спиртом лазил. Чуть беда не приключилась. Спирт разъел водолазную рубаху. Едва успели вытащить.

...Перекур окончен. Водолазы надели скафандры, повесили на плечи свинцовые грузы и, тяжело переступая пудовыми башмаками, медленно спустились по трапам под воду. Стройка продолжалась.

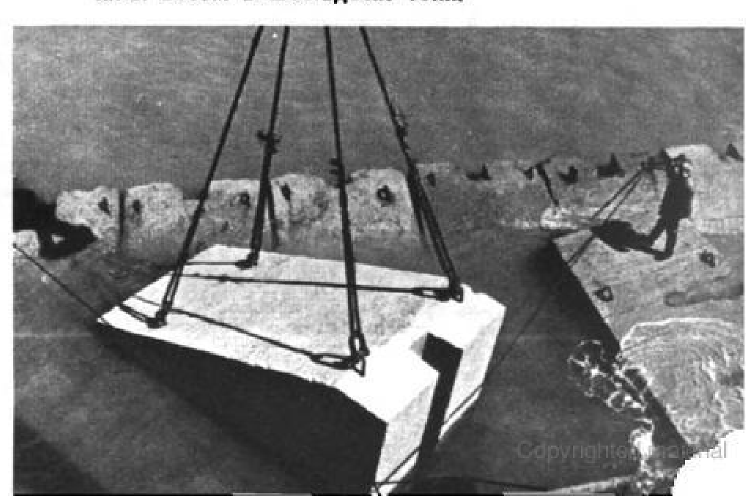
ЫХ СКАФАНДРАХ

готовит площадку под водой. На нее уложат волноломы.

На водолазном катере «Восток».

С ювелирной точностью укладываются монолиты весом в шестьдесят тонн.

Октябрь

В этом номере «Огонька» мы знакомим наших читателей с творческими планами журнала «Октябрь» и с теми произведениями, которые в ближайшее время увидят свет на его страницах.

Гостями «Огонька» будут и другие популярные литературно-художественные журналы.

издательство «Правда» 1966 5

пятьсот журнальных книжек

Два года назад журнал «Октябрь» отмечал сорок лет своей жизни. Теперь мы приближаемся к другой немаловажной для него дате — к выпуску 500-го номера, который выйдет в июне.

Пятьсот номеров, пятьсот книжек... Это означает: многие десятки крупных романов, сотни повестей, тысячи рассказов, очерков на темы современности, критических статей и полемических заметок. А все вместе — неустанная, упорная, нелегкая, но и, конечно же, радостная борьба за ленинский принцип партийности литературы, за социалистический реализм, за литературу народную, служащую народу.

На этом в общем-то довольно уже долгом пути у редколлегии разных составов, у редакционных коллективов, у редакторов журнала бывало всякое. Публиковали, скажем, ныне всемирно известный роман-эпопею, гордость советской литературы,— из подворотен окололитературного болота неслось: роман белогвардейский, кулацкий, вредный! Из года в год отстаивали, утверждали партийность литературы, метод социалистического реализма, все лучшее, что за десятки лет создано советскими художниками в русле социалистического реализма,— слышали выкрики: ретрограды, догматики, типы, тянущие назад! Где же, дескать, ваш компас?

Все это, однако, в прошлом. Многое из трудного уже преодолено, пройдено. Литература, с одной стороны, многозначительных пустопорожностей, а с другой — этакая неонароднической литература — печальница и радетельница, в суматохе поспешных перестроек в какой-то мере потеснившая было литературу социалистического реализма,— та литература, как и следовало ожидать, не выдержала широкой, твердой поступи истории, путается сейчас под ногами у общества и, не создав ничего сколько-нибудь подлинно художественного, заметного, тихо испускает дух, подобно ярмарочной пищалке «уйди-уйди», когда в нее перестают дуть.

Нет сомнения в том, что грядут новые крупные победы на фронтах советской литературы и советского искусства. Те преобразования, какие партия и весь народ осуществляют ныне в области экономики страны, в ее промышленности и сельском хозяйстве, не могут не отразиться и на труде людей художественного творчества. Идейная устремленность охватывает всех — от доменщика, комбайнера, министра до кинорежиссера, балерины, писателя. А в атмосфере высоких, ясных идей мелкотравчатое, подмигивающее искусство неминуемо отдаст богу душу. Предчувствуется новый подъем в литературе, подъем на путях социалистического реализма.

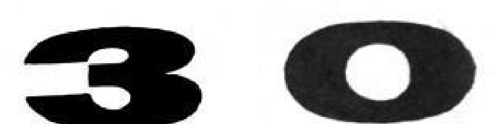
К нам в редакцию несут рукописи давно известные опытные писатели и литературная молодежь. Радуешься, сдавая в набор одновременно роман немало поработавшего в поэзии Ильи Сельвинского «О, юность моя!», само название которого определяет время и круг его действия, и роман очень еще молодого прозаика из Днепропетровска Игоря Коваленко «Откровения молодого Слоева» — о жизни юных сверстников автора. Оба романа будут опубликованы у нас приближающимся летом. Предполагаем опубликовать также роман немолодого украинского мастера Саввы Голованивского «Тополь на том берегу», в основу которого положена история предотвращения нашими солдатами и офицерами взрыва плотины Днепрогэса. А рядом пойдут произведения молодых и средних лет авторов. Уже отправлены в набор повесть М. Ланского «Происшествие» — о том, как глубоко и прочно в памяти народной сохраняются злодеяния гитлеровцев и их пособников на советской земле и что происходит, когда и через два десятка лет люди в своей среде обнаруживают тех кровавых немецких псов; повесть И. Падерина «Комдив бессмертных» — о героизме советских бойцов и офицеров. Готовим к опубликованию и полную юмора документальную повесть В. Санина, за материалом для которой автор съездил, точнее, сплавал на рыболовном траулере в Индийский океан.

В недрах редакционных портфелей можно рассмотреть контуры рукописей новых романов А. Андреева, С. Бабаевского, М. Бубеннова, А. Коптяевой, В. Очеретина... Параллельно с прозаическими произведениями к типографским машинам движутся рукописи поэм Василия Федорова, Сергея Викулова, стихотворения А. Прокофьева, Д. Ковалева, Вл. Соколова, Ф. Чуева, В. Фирсова, Е. Полянского, А. Зауриха...— всех не перечислить; работают над большими поэтическими полотнами Борис Ручьев и Егор Исаев.

Надеемся, что вторая половина нынешнего года и следующий, 1967 год будут плодотворными и читатели «Октября» получат много интересных произведений.

В. КОЧЕТОВ,
главный редактор журнала «Октябрь»

Илья **СЕЛЬВИНСКИЙ**

— Даю тебе, Бредихин, первое задание,— заговорил Махоткин.— Имеются сведения, будто Крымский банк рассовал золотой запас по самым невзрачным городишкам, понадеясь на реставрацию. Один из таких — Армянск. Так вот: поезжай в казначейство. Тебе поручается реквизировать весь золотой фонд и доставить его в целости и сохранности, а мы уж переправим его в Симферополь. В случае сопротивления или нападения применишь оружие. Все понял?

— Все.

— А тебе понятно пролетарское право реквизировать буржуйское золото?

Леська вспомнил Тину и ее реплику: «Я вернула себе свое!»

— Понятно.

— Правду говоришь?

— Правду.

— Вот и хорошо. Можешь быть вольным.

На улице по-прежнему стояла тачанка, но на ней уже установили пулемет. По обеим его сторонам поместились два бойца с берданками. На козлах, перебирая вожжи, сидел какой-то мужчина в штатском пальто, но в солдатской папахе из серой смушки.

— Будем знакомы, товарищ, я здешний ревком. Точнее, одна пятая ревкома, поскольку тут руководит «пятерка». Садитесь рядом. Поехали.

Тина стояла на тротуаре и сумрачно глядела на Леську. Он улыбнулся ей, но она не ответила. «Ревком» тронул жеребцов вожжами, и они взяли с места.

В лицо ударил ветер. Леська глубоко вздохнул и впервые почувствовал себя личностью: ему официально поручили большое дело, связанное с борьбой за революцию. От этого чувства все окружающее приобрело какое-то особое значение. Леська вспомнил стихи одного гимназического поэта:

А в поле пахнет рыжий мед
Коммунистических идей...

Стихи эти прежде казались ему нелепыми, но сейчас он подумал о том, что поэт что-то такое все же в них уловил. Что-то очень большое. Небывалое!

Леська всем телом повернулся к «ревкому»:

— Скажите, товарищ: а что такое, в сущности, коммунизм?

— А кто его знает!— весело ответил «ревком».— Есть коммунисты-индивидуалисты, есть коммунисты-анархисты. Я в этом еще не разобрался — сам плаваю. А спроси меня, что такое социализм,— это я знаю крепко: ни буржуев, ни помещиков, а власть рабочая.

О крестьянстве забыли и тот и другой. Так оно и не узнало о своей социальной судьбе.

Подъехав к зданию казначейства, увидели на двери объявление: «ВРЕМЕННО ЗАКРЫТО».

— Ух ты! Временно...— сказал «ревком».— Ты понимаешь, гимназист, в чем цимес этого вопроса? Временно — это значит революция. Скажи на милость! Он уже установил для нее сроки. Ах, гадина!

«Ревком» соскочил с тачанки и поманил пальцем одного из красноармейцев.

— Боец! Ступай и приведи ко мне дворника.

Красноармеец с берданкой вошел во двор.

ЛОТО

До сих пор Илья Сельвинский был известен широкому кругу читателей как один из крупнейших советских поэтов. Теперь мы встречаемся с Сельвинским-прозаиком, автором большого романа «О, юность моя!».

Крым, охваченный огнем гражданской войны,— таково место действия нового произведения писателя. Главный герой романа гимназист Елисей Бредихин преодолевает немало трудностей, пока не обретает место среди бойцов, сражающихся за власть Советов. В публикуемом отрывке из романа Елисей выполняет одно из первых своих боевых заданий — принимает участие в экспроприации золота на нужды революции.

Полностью роман Ильи Сельвинского «О, юность моя!» печатается в №№ 6—7 журнала «Октябрь».

— Народ знает все. От него не укрыться. Поимейте это в виду, молодой человек. Мало ли что придется в жизни.

Появился дворник, сопровождаемый берданкой.

— Фамилия?— строго спросил «ревком».

— Васильев,— неестественно высоким и в то же время жирным голосом ответил дворник, точно он наелся крутых яиц.

— Имя?

— Федор.

— Отчество?

— Никитич.

— Род занятий?

— Дворники мы.

— У революции дворников нет. Будешь отныне прозываться — комендант. Комендант казначейства! Крепко? Так вот, товарищ комендант: хочешь пособить народной власти?

— С дорогой душой!— заорал Никитич, когда понял, что расстреливать его не будут. Он сильно кашлянул и вернул себе свой голос.

— Вот тут написано, что казначейство закрыто. Допускаю. Ну, а куда же девалось начальство? Сам-то где? Сбежал? Дома его нет, комендант.

Никитич хитровато усмехнулся:

— Да по форме вроде и сбежал, а на самом деле у меня в подвале хоронится.

— У тебя? Здесь?

— Ага.

— Вот это расчудесно! Вот это по-моему! Молодец, Никитич, сохранил зверя для нашей охоты. Пошли?

Начальник казначейства лежал в постели под лоскутным одеялом.

— Чем страдаете, дорогой?

— Малярия у меня. Трясет так, что просто сил нет.

Действительно, у несчастного зуб на зуб не попадал, и вообще вид у него был самый плохой.

— Малярия? Хорошо. Очень хорошо. А только почему вы, господин, валяетесь в этом подвале, когда у вас есть мировая квартирка на Перекопской улице, дом номер четыре?

Казначея начало трясти еще сильнее. Проклятая малярия!

— А разве вы меня знаете?— спросил он, вымирая на глазах, как доисторический бронтозавр.— Может быть, с кем-нибудь путаете?

— Может быть,— сказал «ревком».— А меня вы знаете?

— Впервые вижу.

— А я как раз доктор. Буду вас лечить. Ну-ка, садитесь! Да не на кровати: тут мне совсем не с руки вас выстукивать. Садитесь вон на тот стул.

— Не могу...— жалобно протянул больной.— Сил нет...

— Садись!— грубо прикрикнул на него «ревком».— А то я так тебя выстукаю — не обрадуешься.

Казначей, испуганно покосившись на кровать, довольно бодро пересел на стул. Но косой его взгляд не пропал даром. «Ревком» кинулся к постели, поднял тюфяк, и все увидели на сетке два сытых кожаных мешка, лежавших впритирку один к другому, точно два черных поросенка.

— Золотишко!— сказал «ревком» умиленно.— Золотишко...

Он развязал один мешок, запустил туда могучую пролетарскую руку, набрал полную горсть царских пятерок и широкой струей высыпал их обратно.

Леська, широко раскрыв глаза, увидел Клондайк и трапперов, которые увозили золото сначала на полярных собаках, потом на лодках, свергающихся в бездну с водопадов, наконец, на колесных пароходах с длиннющей трубой и такими же цилиндрами пассажиров, чтобы в конце концов пропить его в любом салуне.

— Боец!— крикнул «ревком».— Снеси мешок в тачанку. А ты, гимназист, возьмешь второй.

Красноармеец, закинув берданку за плечо, схватил в охапку одного «поросенка» и понес его к выходу. Леська за ним. Когда они вышли на улицу, там уже собралась толпа. Елисей подошел к тачанке и свободным движением бросил мешок прямо под пулемет, но красноармеец кинул неладно: его мешок плюхнулся о крыло, треснул по шву и упал на мостовую. Из него хлынуло солнце и, веселя хмурый денек своим жарким блеском, покатилось каплями.

Толпа бросилась подбирать. Еще бы: катилось человеческое счастье...

— Не смейте!— отчаянно закричал Леська.— Это деньги народные!

— А мы сами кто? Не народные?— засмеялся кто-то.

«Ревком» сорвал с головы папаху и крикнул:

— Граждане России! Все собранные монеты сыпьте сюда. Я член ревкомовской пятерки товарищ Воронов.

Какая-то часть толпы потянулась к шапке и набросала в нее довольно много золотых.

Когда разодранный мешок был уложен на свое место, когда Воронов осмотрел все пространство под тачанкой и вокруг, когда влезли на облучок, пронзительно оглядел чуть ли не каждого из толпы, лошади тронулись. Только теперь в воротах возник уже совершенно выздоровевший казначей, пытаясь угадать, куда увезли его сокровища.

— А тебе, боец, расстрел полагается,— сочувственно сказал красноармейцу Воронов.— У нас ведь тюрем нет и не будет.

Леська вспомнил крейсер «Румыния». Как у них все просто! А ведь, пожалуй, и в самом деле красноармейца расстреляют... Елисей решил всю ответственность принять на себя. Как только подъехали к штабу, он схватил разодранный мешок и, уложив его на руки, как младенца, вбежал в особняк первым.

За столом сидели Махоткин и комиссар. Они пили чай со связкой сушеных яблок вместо сахара.

— Ну, рапортуйте!— сказал Махоткин.

— Да уж не знаю, как рапортовать... Вина в основном, конечно, моя. Надо было оба мешка нести мне самому. А я...

Он рассказал всю историю.

— Эх, шляпа!— раздраженно выругался комиссар.— Даже этого нельзя тебе поручить, симбордал.

— Шляпа-то шляпа,— смеясь, поддержал Махоткин.— А красноармейца я не виню: откуда народу знать, сколько весит золото?

Вошел Воронов, неся полную папаху червонцев. За ним — красноармеец с исправным мешком. Все это возложили на стол.

— Ну как? Доложил, гимназист? Давайте считать убытки.

— Товарищ боец! Будете за часового!— приказал Махоткин.— Стань-

те у дверей и никого сюда не впускайте. За неисполнение — расстрел.

Комиссар и Бредихин переглянулись.

Махоткин и Воронов принялись считать наличность первого мешка, чтобы выяснить, сколько вообще должно быть в мешке золотых монет. Они укладывали пятирублевки в столбики по десяти штук. Леське тоже хотелось считать, но он не посмел.

— Пятьдесят. Пятьдесят. Пятьдесят.

Вскоре стол весь был уставлен маленькими золотыми колонками. Иногда какая-нибудь пятерка срывалась со своей кучи и катилась по полу.

— Лови золотинку!— кричал Воронов.

Елисей бросался к монете и приносил ее на раскрытой ладони, как золотую рыбку. При всей ненависти коммунистов к презренному металлу этот металл заставлял относиться к себе с уважением. Люди, которые до сих пор обладали в жизни только двумя-тремя денежками подобной ценности, возбужденно купали руки в горячем золоте и время от времени похохатывали нервным смехом.

Когда золота много, оно, оказывается, отливает таинственным красным светом. Таинственным потому, что, если поглядеть на него в упор,— желтое и только. Но стоит чуть-чуть отвести глаза, и золото вспыхивает красноватым ореолом, который воспринимаешь боковым зрением. Леська бегал глазами в разные стороны — и тончайшее алое пламя металось от него вправо и влево. От этого почему-то становилось жутко...

— Ясно почему,— ответил Махоткин.— На нем кровь.

— А вы знаете фокус с головой его императорского величества?— спросил Воронов.

Он взял одну монету, положил ее царским ликом вверх и, прикрыв ладонью профиль, оставил темя, затылок и ухо. От этого ухо стало подслеповатым глазком, а затылок — рылом.

— Свинья!— захохотал Воронов.— Истинная свинья!

— Шестьсот штук свиней,— провозгласил Махоткин.— Три тысячи рубликов, иначе говоря.

— Завязывай, гимназист! Стоишь — ничего не делаешь.

— Вы меня не приглашаете...

— Это на польку приглашают, а к работе сами рвутся. Если, конечно, дело революционное.

— Завяжу я!— твердо сказал комиссар, отстранив Леську.

— Давай худяка!— скомандовал Воронов.

И снова музыкальные струны золота, и снова монотонный счет. В разорванном мешке оказалось четыреста пятьдесят.

— Считайте в шапке!— крикнул Воронов и плеснул из папахи пламя на стол.

Леська увидел разомлевшее летнее море в огневых червонцах. «Какое счастье, что люди еще не научились читать чужие мысли!— подумал он.— Вот бы досталось мне сейчас от комиссара».

— Пятьдесят!— объявил комиссар.

— Еще пятьдесят!— весело заорал Воронов, который явно опьянел от света и колоколов этой драгоценной россыпи.— Убытки, видать, будут невелики. А что пропало, то все пошло народу, а не буржуятине.

— Последние пятьдесят!— взволнованно сказал Махоткин.— Итак, ровнехонько шестьсот до одной копейки. Ни один золотник не пропал.

Люди глядели друг на друга, словно зачарованные.

— Вот это да! Вот это, братцы, революция!

В гостях у тульских оружейников

Во Дворце культуры тульских оружейников рабочие, служащие, студенты, пенсионеры приветствовали недавно представителей редакции и авторов журнала «Октябрь»: главного редактора журнала, делегата XXIII съезда КПСС Всеволода Кочетова, членов редколлегии Семена Бабаевского, Сергея Васильева, Михаила Михалева, Дмитрия Старикова, поэтов Владимира Фирсова, Сергея Викулова и Владимира Цыбина.

— Мы рады принять вас на тульской земле и надеемся, что этот приезд вдохновит вас на создание новых произведений, в которых вы поднимете глубокие пласты жизни рабочего класса, как это сделал в своем романе «Журбины» Всеволод Кочетов,— говорила, открывая большой литературный вечер, секретарь Тульского городского комитета КПСС Г. А. Савина.

Главный редактор рассказал о славных традициях журнала «Октябрь», о том, как в трудах, спорах рождается каждый его номер, о ближайших планах редакции. С большим вниманием и заинтересованностью слушали собравшиеся выступления своих гостей, их ответы на многочисленные вопросы.

Александра КРИВИЦКАЯ

Николай АГЕЕВ

* * *

В Трептов-парке белые березы,
Словно вдовы русские, стоят
И роняют слезы,
А не росы
На могилы братские солдат.
О березы!
Вас печаль России,
Вдовья неизбытная тоска,
Сквозь ненастья, горем залитые,
Привела сюда издалека.
Привела,
Поставила навеки
У ступеней скорбной тишины.
С той поры вы, не смежая веки,
Навеваете солдатам сны.
Снятся им рязанские раздолья,
Астраханских плавней камыши,
И щемящий сердце нам до боли
Бой курантов в утренней тиши.
О березы, белые березы,
Часть России,
Часть моей души!
Солнце не потушит ваши слезы,
Ветер не расскажет, кто лежит...
Тяжелы шлифованные плиты
И суровы, как возмездья сталь.
Сын России с красного гранита
Через вас глядит в родную даль.
Видит он Россию до Вилюйска,
Слышит он свою родную речь...
Тишина.
И слышно, как до хруста
Он сжимает обнаженный меч!

●

Николай ДОРИЗО

Возраст

Любой талант
Под старость
очевидней.
Мне б испытанье старостью
пройти.
Мне есть кого любить
И ненавидеть,
С кем счеты запоздалые свести.
Второй мой тайм.
Не жди,
что будет третий.
Не мельтешись.
Не путай
с дракой
бой.
Пусть днем и ночью
Внутренний твой тренер
Следит,
как марсианин,
За тобой.
Второй мой тайм.
Дыхание второе.
Другой режим
Теперь необходим.

О, высшее волнение
Покоя —
Жить всею жизнью,
А не днем одним!

●

Дмитрий КОВАЛЕВ

* * *

Семь тысяч девушек на
Шикотане —
на острове,
что в Тихом океане.
Семь тысяч одиночеств
на краю скитаний
с вулканами в соседстве
и с китами.

И только он один у них
ближайший.
Как и они, быть может, одинок.
Лежит Его Величество
Тишайший
у маленьких неотогретых ног.
Его прикосновений щекотанье
и сила,
непонятная уму...
И души нежные на Шикотане
вверяют сокровенное ему...

Как дыни,
в дымах сопки выспевают,
цветут снаружи,
а внутри кипят...
Не ветрености
ветры воспевают.
Тоску по верности
Неверные таят.

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

Приборы отмечают улучшение самочувствия подопытного животного.

Центрифуга вращается все быстрее и быстрее. Перегрузка сорокакратная.

Фото Ю. Кривоносова.

ПЕРЕГРУЗКА. ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

А. ГОЛИКОВ

Разрешение присутствовать при научном эксперименте получено. В заключение предупреждают: «Торопитесь, скоро начинаем». Нечего говорить, что дважды повторять это приглашение журналисту не надо. Хватаю блокнот и еду.

В институте Академии наук меня встречает заведующий лабораторией космической физиологии кандидат медицинских наук Юрий Евгеньевич Москаленко.

— Наша лаборатория,— рассказывает он,— занимается проблемами кровоснабжения головного мозга при воздействии на организм ускорений. Ускорение — один из основных факторов космического полета. Способность человека переносить перегрузки, возникающие при этом, и его работоспособность во многом зависят от того, достаточно ли крови поступает в мозг. А он потребляет очень много крови. Вес мозга в среднем всего два процента от веса человеческого тела, а проходит через него около двадцати процентов всей крови, циркулирующей в организме. Обескровленные нервные клетки мозга живут очень короткое время. Поэтому природа создала весьма совершенную систему регуляции мозгового кровообращения. Даже если человек умирает от потери крови, в мозгу она все-таки сохраняется.

Сегодня мы будем исследовать воздействие на собаку больших перегрузок, до сорокакратной. Человек выдержать их пока не в состоянии. А ведь при межпланетных космических полетах, при посадке космического корабля на другие планеты могут возникнуть значительные ускорения.

Эта проблема, так сказать, завтрашнего дня. Но космическая физиология всегда работает с упреждением. Например, вопросы, связанные с выходом А. А. Леонова в открытый космос, она решала несколько лет назад. Пойдемте на центрифугу, пора начинать эксперимент.

...Животное уже подготовлено к «полету». Экспериментаторы прослушали сердце, дыхание, установили специальные датчики для регистрации состояния мозгового кровообращения и поместили собаку в кабину центрифуги.

По лесенке поднимаемся в помещение, чем-то напоминающее капитанский мостик корабля. Здесь — пульт управления центрифугой, экран телевизора, приборы, автоматически регистрирующие сердечную деятельность, дыхание, состояние мозгового кровообращения. Передняя стена — сплошное окно, выходящее в круглый зал. Поперек него распласталась решетчатая конструкция центрифуги.

Юрий Евгеньевич садится к регистрирующим приборам и командует: «Приготовиться к вращению!» Включается аппаратура, звучат два коротких гудка, на пульте управления вспыхивают красные лампочки. И сразу двери в зал, где стоит центрифуга, автоматически запираются. Приборы-самописцы начинают вычерчивать кривые, а на круглом экране осциллографа движутся две золотистые звездочки, сообщая о сердечной деятельности и дыхании животного. К эксперименту все готово. Пуск!

Кабина центрифуги плавно трогается с места, наращивает скорость вращения.

— Единица!— сообщает величину перегрузки оператор у пульта управления. Центрифуга вращается быстрее. Два!.. Три!.. Пять!.. Десять!.. Кривые, отмечающие деятельность сердца, дыхание и мозговое кровообращение, показывают, что сдвиги, происходящие в организме животного под действием ускорения, скомпенсированы и животное пока что чувствует себя удовлетворительно.

Скорость вращения возрастает, перегрузка уже пятнадцатикратная, семнадцатикратная... Мечутся золотистые звездочки на экране. Иногда совсем пропадают: аритмия сердца. На экране телевизора видно, как тяжело дышит животное. Дыхание поверхностное, учащенное. Потом — задержка дыхания. Ухудшение общего состояния животного отмечают и приборы, которые следят за мозговым кровообращением.

Двадцатипятикратная перегрузка. И вдруг... приборы отмечают восстановленную внутричерепную пульсацию и дыхательные волны. Нормализуется внутричерепное давление, это значит, мозговое кровообращение улучшается. Перегрузка тем временем стала сорокакратной, а показания приборов неизменны, только резко замедлен ритм мозговой пульсации.

— Собака чувствует себя лучше? — спрашиваю я.

— Похоже, что лучше. Во всяком случае, нарушения мозгового кровообращения выражены здесь менее, чем, скажем, при пятнадцатикратной перегрузке. Это явление внешне напоминает второе дыхание у бегуна на дальних дистанциях,— отвечает Юрий Евгеньевич.— Сегодня у нас уже пятый эксперимент из этой серии, а результат во всех один и тот же. Видимо, причина тут — сложные процессы регуляции в системе кровоснабжения головного мозга и в других системах организма при больших перегрузках.

Получив при таком эксперименте общие характеристики, мы будем изучать эти характеристики более детально, выделяя из общего комплекса процессов отдельные звенья. Это обычный путь исследований.

Было выяснено, например, на какую именно величину перегрузки начинает реагировать сосудистая система мозга. Какие изменения происходят в этой системе при нагрузках, с которыми сталкиваются живые организмы в естественных условиях? Скажем, лежащий человек вдруг быстро встал, наклонился, спрыгнул со стула? Опыты на животных показали: сосудистая система головного мозга реагирует даже и на такие гравитационные нагрузки. А как у людей? Решить этот вопрос нам помогло сотрудничество с английскими учеными докторами Греем Уолтером и Реем Купером. У них были пациенты, которым в ткань головного мозга вживляли электроды. Таким методом лечатся некоторые заболевания головного мозга. Наблюдения за этими пациентами подтвердили данные, полученные при опытах с животными.

— Эти исследования в лаборатории имели практическое значение?

— Да. Они показывают, например, что было бы целесообразно ввести в тренировку космонавтов упражнения, которые выполняют стоя вниз головой. Да и другие лабораторные исследования по изучению мозгового кровообращения тоже могут найти практическое применение.

Было замечено, что крысы, которые длительное время содержались в условиях пониженного барометрического давления, как бы в высокогорной атмосфере, значительно лучше переносят перегрузки. Почему?.. По-видимому, в воздухе, в котором мало кислорода, сосудистая система мозга работает активнее, пропуская большее количество крови. В неблагоприятных условиях сосуды получают как бы дополнительную тренировку и потом лучше справляются с перегрузкой. Это обстоятельство было замечено и за рубежом. Как сообщает иностранная печать, американские космонавты уже проходят тренировку в высокогорных условиях.

Кстати, хочу отметить: возможности лабораторных исследований с каждым годом становятся все шире. На помощь физиологам приходят технические и физические науки: теория информации, кибернетика, теория автоматического регулирования... С их помощью можно представить систему кровоснабжения головного мозга и ее регуляцию в виде определенной структурной схемы, которая включает в себя комплекс отдельных зависимостей, полученных экспериментальным путем. Хотя любое представление физиологических процессов в виде схемы неизбежно приводит к известному упрощению происходящих в действительности явлений, такая схема поможет решить некоторые новые вопросы, создать рабочие гипотезы и подсказать эксперименты для их проверки.

На основании такой схемы можно смоделировать систему кровоснабжения головного мозга на электронно-вычислительной машине. Сопоставление результатов моделирования с экспериментами на животных позволит уточнить эту схему, приблизить ее к реальному объекту.

Здесь уже проделана немалая работа и достигнуты определенные результаты. Надо полагать, что такой путь исследований позволит, в частности, получить ответ на пока еще неясный вопрос: что происходит с системой мозгового кровообращения при огромных, почти сорокакратных перегрузках?

Николай АСАНОВ

СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТЬ

С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ГЛАВА

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ:

Осторожно! Мины!

В девять утра все трое сошлись в приемной у заместителя директора института. Академик все еще был болен. Да он и не часто посещал вверенное ему учреждение: у него, кроме института, были еще консультации, да отдел Академии, да редактура в журнале... А заместитель все равно в конце дня будет у академика и сообщит обо всем, что тут делается.

Чудаков заранее предупредил: завтра на работу не опаздывать! Хватит и того, что на них навалятся за эту самую «коллективку». Зачем же давать повод обвинять себя в недисциплинированности?

Вошли к заму все трое. Поздоровались и положили на стол по бумажке.

Зам успел еще пошутить, что соавторство им, видимо, понравилось, если и ходят все вместе. Затем перевел взгляд на заявление, поданное Нонной, прочитал, бросил на нее испуганный взгляд, пододвинул бумажку Горячева, отшвырнул ее, потянулся к писульке Чудакова. Лицо его становилось все растеряннее.

— Я не возьму! — вдруг сказал он, отталкивая от себя листы.

— Почему? — спросил Чудаков.

— Это же саботаж! — сиплым от испуга голосом сказал заместитель. — Институт заканчивает полугодовой план работ, а вы уходите? И что вы тут написали: «... в связи с присоединением к числу авторов законченной нами работы по анти-ро-мезонам посторонних лиц. Работа проведена коллективом в составе Горячева А. Ф., Бахтияровой Н. М., Чудакова Я. Я. и Коваля В. М. (Вальку в список авторов они тоже вписали, его измена ничего не меняла!), а руководство института прибавляет в качестве соавторов Подобнова С. М., Крохмалева С. С. и руководителя лаборатории Красова М. Б. ...» Да вы понимаете, что вы написали? — с грозным придыханием спросил заместитель.

— А что, вам не нравятся фамилии? — спросил Чудаков.

— Это же... это же... Да это — раскрытие государственной тайны! — вдруг нашелся заместитель. — Вы называете работу, называете сотрудников института! Вы знаете, что за это будет?

— А мы эти бумажки несем не в шпионский центр потенциального противника, а к вам на стол, — хладнокровно сказал Чудаков. — И составлены они по форме: видите, в конце даже указано, что мы считаем возможным проработать положенные две недели, пока на наши места будут найдены другие сотрудники...

— Ну, вот что, товарищи, я этого не видел и не читал! — грозно сказал заместитель. — А с Иваном Александровичем я поговорю. Возможно, товарищ Красов и в самом деле превысил полномочия...

— Нет уж, товарищ заместитель директора, вы вручите академику наши заявления, а потом сообщите нам его мнение. А что касается самого факта, так, надо думать, Иван Александрович уже получил из президиума Академии нашу докладную записку по этому поводу...

— Вы и в Академию написали? — ужаснулся заместитель.

— Вот именно! — подтвердил Чудаков.

В это время в кабинет заглянула старшая машинистка. Увидев Чудакова, она смутилась было, но торопливо прошла к столу заместителя и положила перед ним папку.

— Материалы перепечатаны.

— После! После! — махнул рукой заместитель.

— Да вы посмотрите, пожалуйста, может быть, надо еще что-нибудь исправить...

Заместитель открыл папку, захлопнул ее, пробормотал:

— Хорошо, хорошо, я просмотрю!

Чудаков шепнул Нонне:

— Видите, информация сработала!

Вчера он настоял, чтобы докладная записка была отдана для перепечатки в институтское машинное бюро. Горячев возражал: «Аннушка перепечатает лучше!» Ярослав сказал: «Зато начальство получит полную информацию немедленно!» Он оказался прав. Но есть что-то неприятное в такой правоте. С такой правотой трудно жить. Впрочем, ему и верно нелегко живется...

— Можно идти? — вежливо спросил Чудаков.

— Идите! — вдруг разрешил заместитель.

Нонна от двери оглянулась. Заместитель уже раскрыл принесенную машинисткой папку и вцепился взглядом в первый лист. «Читает нашу докладную в Академию!» — подумала она. И впервые ей стало страшновато.

— Ну что ж, друзья, разойдемся по нашим конюшням! — сказал Чудаков в приемной. — Не знаю, что будете делать вы, а у меня еще тысяча дел...

Он старался казаться таким же спокойным, как всегда, но ему это плохо удавалось.

Нонна обратила внимание на то, с каким испугом посмотрела на них троих женщина-секретарь. Да, об их бунте уже знали...

Горячев выглядел безразличным. Как видно, этот мечтатель уже попрощался в душе с институтом. Нельзя обижать мечтателей: они похожи на детей. Сейчас он, вероятно, уже мысленно в Дубне или в Новосибирске — там тоже работают физики! — а в то, что после здешнего скандала его туда не пустят, он не верит. И Нонне захотелось, чтобы его пустили. Пусть даже не в Дубну, это очень близко от Москвы, но пусть хоть в Новосибирск. Нет, она добьется от отца хоть этого! Как ни противно ей теперь разговаривать с отцом, по этому вопросу она согласна поговорить...

Они уходили по длинному коридору, а она осталась: ей направо, к вычислителям. Стояла и смотрела на тонкую, мальчишескую шею Алексея, шагавшего с опущенной головой, на слабые, узкие плечи, на болтающиеся руки. Нет, занятия физкультурой не смогли наполнить это слабое тело силой и красотой, хотя мускулы и окрепли. Только выдержат ли эти даже и окрепшие мускулы ту тяжесть, которую он взвалил на себя?

Она вдруг подумала, что ей хочется заплакать. И почти бегом бросилась к своим вычислителям. Там не поплачешь, там придется, возможно, выслушивать соболезнования, улыбаться в ответ, отшучиваться, может быть, даже издеваться над своими «соавторами» за их неприспособленность к жизни. Циники есть и среди вычислителей, а бить за цинизм по физиономии не положено. Не ясно, есть ли в цинизме состав преступления...

Продолжение. См. «Огонек» №№ 10—19.

ЯБЛОКИ

И. МЕСХИ,
И. ТУНКЕЛЬ

Фазил Дадашев (на верхнем снимке справа) и Мамеднаба Наджафов — кубинцы. На нижнем снимке — стереотип их газеты «Шафаг». На следующих страницах — их благодатный яблоневый край и будущие хозяйки этого края, пока еще учащиеся сельхозтехникума. Куба — где находится эта Куба? И какая связь между старым Фазилом, газетой «Шафаг» и яблоками? Об этом вы узнаете из репортажа, помещенного на страницах 26—27.

ГЛАВА

ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ:

Валька Коваль

Чудаков спустился в «преисподнюю». Вальки не было. Уходя к заму, Чудаков попросил Вальку привести в порядок записи и чертежи устройств по плановым темам института. Он пытался приучить себя к мысли, что скоро на этом месте, за этим столом будет сидеть другой человек, надо оставить ему полный порядок: перенумеровать, что ли, все эти разрозненные записи, наклеить на канцелярские папки номера — хорошо бы выполненные темы отметить номерами красного цвета, а погубленные — черного, этакий траур по собственным неудачам. Но Валентина не было...

Он попытался было сам заняться этой несложной работой, но она из рук валилась: трудно быть собственным могильщиком

Вдруг что-то толкнуло его в сердце: но где же Валька? Они проработали рядом несколько лет и всегда знали все друг о друге. И то, что Валька не дождался их, куда-то исчез, было плохо.

Может быть, Валька не поверил в то, что его простили за отступничество? А ведь и Ярослав, и Алексей, да и Нонна действительно простили его. Если он не поверил, ему тоже плохо. Хуже, чем самому Ярославу.

Он встал из-за стола, даже не убрав бумаги, только последние записи по анти-ро-мезонному процессу спрятал в карман пиджака — Алексей просил не оставлять их, пусть хоть это наследство Кроха от них не получит! — и пошел в машинный зал. Если Вальки нет в их маленьком кабинетике, значит, он на ускорителе, хотя там теперь и делать-то нечего...

Но на ускорителе что-то делали.

И Валька был там.

Завидев Чудакова — в пустом пространстве вокруг ускорителя даже шаги звучали, как барабанный бой,— Валька наклонился и спрятался за пузырьковой камерой, которую делал когда-то вместе с Ярославом. Так мальчишки играют в палочку-выручалочку. Голову засунул за камеру, а зад торчит. «Вот я сейчас подкрадусь и трахну тебя по этому обтянутому джинсами заду палочкой-выручалочкой, будешь знать, как надо прятаться!»

Он и в самом деле собирался уже хлопнуть твердой ладонью по Валькиному заду, но Валька выпрямился, зло посмотрел на Чудакова, спросил:

— Сдали?

— Что? — переспросил Чудаков.

— Легкой жизни захотели? Эх вы, физики-лирики, туда вас и туда! — грубо выругался Валька.

— Ты что, очумел?

— А ты знаешь, что мы тут делаем? — Он свистнул, словно боцман, и с разных концов большого машинного зала к ним начали подходить люди. Они здоровались с Чудаковым, но было что-то виноватое в их лицах. Валька сухо сказал: — Так вот, готовимся к исправлению вашего неудавшегося эксперимента. Руководитель — товарищ Крохмалев.

В это время откуда-то вынырнул Кроха. Он по-хозяйски спросил у Вальки:

— В чем задержка, товарищ Коваль?

— Не ясны расстояния между зонами, Сергей Семенович! — отрапортовал Валька.

— Но они же были размечены!

— А Чудаков, после того как эксперимент был признан неудачным, уничтожил расчеты.

— Уничтожил? Но вы же говорили...

— Говорил, но не нашел. Да вы у него у самого спросите. Вот он, товарищ Чудаков.

— А, Ярослав! — растерянно, но приветливо воскликнул Кроха.— Послушай, какие тут параметры? — Он потыкал пальцем в сторону счетчика Черенкова.

— Право, не помню! — отозвался Ярослав. Он внимательно смотрел на Вальку. «Ожидал я, что Валька поступит только так? Нет, не ожидал. Ай да Валька! Ай да молодец!» И повернулся к Крохмалеву:

— А ты, Кроха, не думаешь, что при твоей комплекции облучение в шестнадцать доз почти смертельно?

— Что? Шестнадцать? Но почему? Ведь индикаторы...

— Нет, не сейчас. Я говорю о том случае, когда ты запустишь эту машину на всю железку. Ведь тебе придется суток двое-трое проторчать в зоне. Или ты попросишь делать отсчеты меня, поскольку я уже привык?

— Все шутишь? Скажи лучше, где твои расчеты.

— Понимаешь, я их сжег по ошибке. Вместе с другими бумагами. Ты ведь знаешь, я подал заявление об уходе. В ящике стола валялись разные посторонние бумажки, какие-то письма, кажется, даже от тебя было несколько штук, это когда ты поздравлял меня с удачами первых еще экспериментов. Ну, и, сам понимаешь, неудобно передавать вместе с деловыми бумагами еще и твои письма. Вдруг новый работник, который будет все это добро принимать, поймет эти письма иначе, будет думать: как же это так, такие добрые друзья, и вот один выжил из института другого, может, он и меня тоже выживет, не попробовать ли мне первому его съесть, он довольно упитанный,— вот я и сжег все эти бумажки от соблазна...

— Но расчеты! Расчеты! Это же не личные твои бумаги, это документы института!

— Погоди, почему ты думаешь, что там были какие-то бумаги? Это же не арифметическая задача: «Из бассейна проведены две трубы, одна пропускает в час сто литров, другая две тысячи. Через сколько минут выльется вода из бассейна, если в нем ничего нет...» Я работаю по интуиции.

Он говорил лениво, безразлично, а Кроха все пытался наскакивать, даже подпрыгивал на месте с каждым своим новым вопросом.

— Ты думаешь, о чем ты говоришь?

— Представь себе, нет. Мне как-то стало лень думать за других. Да и зачем? Ты же не поделишься со мной своей славой, когда тебя изберут в члены-корреспонденты? Верно?

— Эксперимент надо проверить! — громче, чем следовало бы, крикнул Кроха.

— Американцы проверят,— устало сказал Чудаков.— Помнишь, ты продержал нас полгода с ро-мезонами и заявил, что эксперимент был нечистый. Американцы немедленно проверили его и доказали, что мы с Горячевым были правы... А я даже не дал тебе по морде, а следовало, хотя бы только за то, что ты лишил русских приоритета еще в одном открытии.

— Вы слышали, товарищи, он еще мне угрожает! — вдруг завопил Крохмалев.

— Ничего мы не слышали! — сказал Валька и подмигнул механикам.

Те, ухмыляясь, медленно побрели на свои места. Валька остался. Увидев, что, кроме их троих, никого поблизости нет, он смиренно сказал:

— Я, Сергей Семенович, туговат на ухо. А Ярослав Ярославович со мной больше знаками обращается. Так как же мы будем? Снова пересчитаете или поставим наугад?

— Где схема эксперимента? — прошипел Крохмалев. Теперь он не боялся. Он боялся другого: схемы нет вообще. Вот чего он боялся. Но он знал, что никакой экспериментатор не уничтожит удачную схему. Она еще может ему понадобиться. Это он тоже знал, хотя сам уже давно не экспериментировал. За него это делали другие.

— Понимаешь, Кроха, ты поздно о ней вспомнил! Сейчас она уже лежит по меньшей мере в трех местах: в редакции «Вестника», в Академии, но так как при твоих длинных руках ты мог бы и там до нее добраться, то мы послали ее еще в третье место: она приложена к нашему письму в Госконтроль...

— В Госконтроль? — не проговорил, а выдохнул Крохмалев, взглянул на Чудакова, перевел взгляд на Вальку, повернулся на одной ноге и побежал к выходу так быстро, что шаги прозвучали в этой пустыне, подобно сигналу тревоги. Вот Кроха громыхнул дверью где-то далеко в коридоре, и все затихло.

— Вы и вправду послали ее в Госконтроль? — с удивлением спросил Валька.

— Ну зачем она им? — устало сказал Чудаков.— К письму мы приложили копию нашей работы.

— А что же делать с этим? — Валька кивнул на механизмы.

— Собирай, что же еще! Будет готово — проверим еще раз. Вот возьми! — Чудаков вынул из кармана заметки и отдал их.— Всякая проверка полезна, только Крохе схему не отдавай: еще напутает со зла!

ГЛАВА

ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ:

Внешний мир

Несколько дней прошли в относительном покое. Алексей жадно и много писал: очень хотелось создать стройный мир ядерной физики, хотя он и знал воззрения старейшин этой науки. Они считали, что еще слишком мало фактов для постройки такого здания.

Алексей не лез в современные Кювье. Да и легче было Кювье. Подумаешь, по уцелевшей кости воссоздать облик вымершего животного! Перед нынешними Кювье стояла более трудная задача: по нескольким частицам, умирающим в одну стомиллионную долю секунды, создать целый мир, может быть, более сложный в своих взаимосвязях, чем доисторический мир, одну деталь которого сумел воссоздать Кювье.

«Нет, зарываться незачем.— думал Алексей.— Я знаю всего лишь несколько слагаемых этого странного мира. И я еще не могу подставить иксы и игреки вместо неизвестных частиц, чтобы сразу вывести уравнение. По-видимому, должно существовать даже несколько сходных частиц, хотя они до сих пор ускользают от экспериментаторов. Надо больше внимания уделять эксперименту...»

В одно из воскресений они попросили Нонну свозить их в Приокск: там строился новый ядерный институт. Михаил Борисович ни в квартире, ни в машине Нонне не отказывал, видно, ждал, когда дочка сама явится с повинной.

Увы, в Приокске об их ссоре со старшими физиками знали все. На гостей поглядывали сочувственно. О работе, что раньше бывало на второй минуте встречи, теперь не говорили. Расхваливали местность, удобные здания института, при вопросе об ускорителях закатывали от восторга глаза, но опять-таки, чем сии машины отличаются от тех, на которых работали Ярослав и Алексей, ни слова.

К концу визита Ярка мрачно сказал:

— Ну, полная информация получена...

— А что вы узнали? — наивно спросила Нонна.

Она на этот раз была тихой и нежной. А может, это только показалось Алексею. Может, она просто устала от той постоянной смуты, которую переживала. Уж, наверно, ни отец, ни мать не упускают случая, чтобы указать на ее неприличное поведение. Предать отца!

— Так какую же информацию вы получили? — продолжала допытываться Нонна.

— Не я, а они! Полную информацию! — сердито сказал Ярослав.— Они знают, что нас выпрут из института, что мы приехали пощупать, не примут ли нас сю-

да на работу, и знают, что наше руководство напугало ихнее руководство, что мы, мол, звери, а никакие не физики, и знают, что нас не возьмут. Вот их информация.

Нонна испуганно взглянула на Алексея. Тот утвердительно кивнул.

— Но это же свинство! — возмутилась Нонна.

— Почему? — равнодушно спросил Ярослав.— Какой же учитель будет поддерживать бунтующих учеников? Хорошо еще, что сейчас не средневековье. В те времена старшины цеха просто выпороли бы нас на площади и выпроводили за стены города. Нет, теперь времена либеральные. Вон у американцев ученый, поступивший в лабораторию фирмы, передает все материалы своих исследований в ведение этой самой фирмы, хотя никто из директоров ни уха, ни рыла не смыслит в его выдумках. Нет, в нашем случае не свинство, нас просто хотят образумить.

— Зачем вы так, Ярослав! — У Нонны задрожали губы.

— Что, обиделись за папочку? — грубо спросил он.

С Ярославом творилось что-то непонятное. Он стал резок даже с друзьями.

Да, Ярослав, пожалуй, без института пропадет. Он мог бы пойти к ракетчикам, к химикам. И там и тут науки смыкаются с физикой элементарных частиц. Но он жаждет только эксперимента и только в странном ядерном мире. Они как-то шутя и не шутя высчитывали, сколько времени продержатся на зарплату Аннушки в том случае, если мстительный Михаил Борисович даст им отрицательные характеристики и им придется доказывать причастность к науке с твердостью неофитов. По Аннушкиным подсчетам выходило, что если они не станут требовать чекушку к обеду, то она их прокормит месяца три. Алексей восхитился, закричал: «А мы еще будем подрабатывать переноской мебели из магазина!» Магазин мебели был в их доме. Ярка со странной злостью — ведь разговор-то был шуточный! — сказал: «Так тебя и примут в артель, с твоими-то музыкальными руками! В магазине будем прирабатывать мы с Валькой. А ты будешь отсиживаться дома...» Нонна — она теперь была постоянно с ними,— стараясь снять возникшее напряжение, неосторожно воскликнула: «А я буду носить ему завтраки!» И Ярка вот так же грубо сказал: «Если папа позволит!» Нет, Ярослав все время пытается обособить Нонну, ему не хочется признавать ее равной. И Алексею пришлось напомнить в тот вечер: «Вальке некогда будет носить мебель, он станет готовить новый эксперимент для Крохи...» Ярослав словно и забыл, что Валька больше не водится с ними.

Вот и сейчас, после грубых слов Ярослава, губы у Нонны задрожали. Алексей сидел рядом с нею и видел ее лицо в профиль. Ярослав сидел сзади, навалившись грудью на спинку переднего сиденья. Алексей чувствовал на своем плече его руку. Ярка не видел лица Нонны, но и он, видно, понял, что сморозил глупость, потому что вдруг замолчал и откинулся назад. Больше его рука не мешала Алексею, но и это показалось недобрым. Будто Ярка начисто отделился от них.

Но у дома Ярка попрощался с Нонной с привычным дружелюбием, даже пригласил зайти. Нонна отказалась: было поздно. Алексей тоже не пошел: зачем беспокоить Аннушку? Тем более, что новости они привезли дрянные.

А на следующий день, в понедельник, секретарь директора Марина Саввишна позвонила и сказала полушепотом — в присутствии академика она всегда не говорила, а шептала:

— Завтра, к одиннадцати, вас приглашает Иван Александрович!

Алексей переждал немного, чтобы она успела дозвониться и к Ярославу, а потом позвонил ему сам.

— Ну, что ты скажешь? — спросил он.

— Тебя интересует мое лирическое отношение?

— Не только! — нетерпеливо сказал Алексей.

— Тогда подожди. Я к тебе скоро поднимусь.

Алексей позвонил Нонне. Нет, ее к Ивану Александровичу не приглашали. Позвонил Вальке. Тот ничего не слыхал, ему не звонили, и он очень рад. Впрочем, Валька всегда старался быть как можно дальше от небожителей. Он с облегчением ответил, что у него на горизонте все спокойно.

Итак, дело пока ограничивалось разговором с Алексеем и Ярославом. Что ж, тем лучше. Ведь они и есть главные виновники. Им и отвечать.

Ярослав пришел через полчаса. Наверное, «собирал информацию». Был он мрачен.

Сел на стол Алексея, сдвинув бумаги в сторону, покачал ногой, выстукал на зубах что-то вроде похоронного марша, посвистел немного, спросил:

— Наводишь глянец для своего сменщика? — И ткнул пальцем в горку папок.

— Вычисляю массу новой частицы,— с неудовольствием ответил Алексей.

— За что я тебя люблю, Алешка,— развязно заговорил Ярослав,— это за то, что ты похож на Архимеда!

— При чем тут Архимед? — рассердился Алексей.

— А при том, что, когда горели Сиракузы, Архимед так и не встал со своей лежанки,— ты же проходил, наверно, в школе, что древние греки и пили, и ели, и работали лежа? — так вот, Архимед и не подумал выглянуть в окно, не приближается ли пожар к его дому, а все продолжал свои вычисления.

— Давай ближе к делу!

— Ближе к делу, ближе к телу... Моя хата с краю... С миру по нитке — удавленнику веревка...— бессмысленно бормотал Ярослав, тупо глядя на Алексея черными упрямыми глазами.

— Да, тогда в Сиракузы приехали пожарные и успели залить огонь. Обгорела только крыша Архимедова дома. А он узнал об этом на следующий день утром, когда закончил расчеты и пошел погулять со своей собачкой... Кстати, у древних были собаки?

— В Греции было все, и дураки тоже были! — буркнул Алексей.

— Ты не сердись, Алеша,— тихо проговорил Ярослав, и в голосе его явственно прозвучала усталость.— Конечно, мы с тобой не пророки, предвидеть будущее не обучены, но столько-то мы понимаем, чтобы сказать: наше дело швах! Впрочем, был бы хомут, а шеи у нас крепкие...

Эта унылость в голосе и в лице Ярослава, которому всегда и все было нипочем, так удивила и даже испугала Алексея, что он вскочил из-за стола, будто собирался звать «Скорую помощь». Ярослав мрачно усмехнулся и удержал его за плечо.

— Погоди, спешить некуда. У нас еще масса времени. До одиннадцати часов завтрашнего утра.

Алексей снова сел. Он лихорадочно соображал, чем и как успокоить друга. В таком состоянии Ярослав мог натворить немало чудес. Как раз вовремя. Когда каждое лыко им могут записать в строку. В строку будущей характеристики. Конечно, характеристики все равно дадут паршивенькие, но зачем же нарываться на издевательские?

Ярослав взял со стола статуэтку Ники, повертел в тонких пальцах. Сегодня и Ника не оживала, оставалась тяжелым металлом, удобным разве что для удара по голове. Да и в глазах Ярослава было именно такое выражение, будто он примеривался, как бы половчее ударить кого-то статуэткой. Но вот он вздохнул, поставил статуэтку обратно на стол и сказал:

— Ты ее забери домой. Положи в портфель. И свои бумаги тоже. А то, знаешь, прикажут выложить на стол пропуска, а потом комендант произведет опись «вымороченного» имущества, и черта с два ты допросишься своих забытых вещей. Мы ведь по ножу идем, как в коране говорится, и вряд ли доберемся до рая. Скорее всего, угодим в ад. Тут, пожалуй, и Ника не поможет!

Он погладил статуэтку ладонью, и — странное дело! — в этот миг Ника снова затеплилась жизнью и красками,— свет из окна упал на нее переливчато, что ли? Алексей сказал:

— Давай сходим в партком, Ярослав. Покажем Кириллову нашу докладную. Ведь если в Академии запиской заинтересуются, они прежде всего позвонят ему.

Такой разговор заходил и раньше между ними. Но Ярослав стоял на своем: никто защищать их не станет. Порой Алексею казалось, что для Ярки и на самом деле «страшнее кошки зверя нет». Вот и сейчас он меланхолически сказал:

— Ну что может Кириллов? Он же не ученый, а механик. Кстати, тебя никогда не занимало, почему в нашем институте секретарем парткома всегда выбирают кого-нибудь из инженеров и никогда — ученого?

Алексей недоуменно взглянул на Чудакова. В самом деле, почему? И нехотя предположил:

— Ученые — теоретики, а на такую работу нужен практик...— И нечаянно оживился: — А Кириллов не просто инженер! Все опыты у него на глазах проходят.

— Да, проходят,— не сдавался Ярослав,— но Кириллову важен только ход опыта, как работают его машины. И вообще партийная организация занимается только вопросами воспитания. Не будут же они разрабатывать теорию!

— Вот мы и попросим Кириллова перевоспитать нашего Шефа,— слабо улыбнулся Алексей.

— Так он тебе и возьмется! Это тебе не детская комната при отделении милиции: «Мальчик, зачем ты стащил у девочки ее завтрак? Ай, какой нехороший мальчик!»

Он спрыгнул со стола, помахал руками, как мельница крыльями, присел несколько раз на носках. Алексей видел, что все это делается от смущения: как же, разнюнился! Вот он выпрямился, лицо стало спокойным. Суховато сказал:

— Итак, до завтра. Имей в виду, нас судит триумвират: сам Иван Александрович, его заместитель и Шеф. Шеф уже трижды ездил к Ивану Александровичу на дачу. Список наших работ, мой автореферат по докторской диссертации, твои документы, что ты подавал на конкурс по замещению должности старшего научного сотрудника,— все это доставлено Ивану Александровичу. И — это уж мои догадки! — приложены все доносы, которые сочиняли на нас или только что сочинили по требованию Шефа Кроха, Подобнов и Анчаров. Так что готовься, брат, выпить чашу до дна...

Он залихватски-легкомысленно помахал рукой, прощаясь, и выскользнул в коридор. Алексей огорченно посмотрел на дверь.

Да, с Яркой происходило что-то непонятное. Словно он надломился. Внутренним усилием он еще мог притвориться прежним, как вот сейчас, прощаясь. Но трещина, как видно, прошла прямо по сердцу.

Алексей сердито швырнул бумаги в стол и вышел, грозно хлопнув дверью. Закон борьбы прост: если товарищ выбыл из строя, становись на его место!

Партийный комитет института находился в цокольном этаже, неподалеку от «преисподней». Когда ускоритель не работал, Кириллов обычно сидел в парткоме. В его кабинете стоял небольшой пульт с сигнализацией: любой инженер или механик машинного зала мог нажать кнопку на своем рабочем месте, и Кириллов точно знал, где его ждут. Пульт сделали коллеги по машинному залу: Кириллов после военного ранения страдал одышкой, а машинный зал велик...

Кириллов с любопытством поглядел на Алексея. Еще полгода назад Алексей попросил у Кириллова Устав партии и анкету,— было это в те дни, когда он совсем уверился, что ро-мезоны являются открытием. А потом пошло-поехало! Кроха начал перепроверять каждый шаг эксперимента-

торов и не увидел или не захотел увидеть новые частицы. А когда он произнес хорошо поставленным голосом, что эксперимент проведен «нечисто», стало просто стыдно просить у старших товарищей рекомендации... После окончания опытов с античастицами как будто и пришел такой день, когда с этой просьбой можно подойти к любому коммунисту. Алексей уже доказал, что не даром ест советский хлеб, да снова беда: рассмотреть не успеют его заявление о приеме, если академик, согласно прорицанию Ярослава, предпочтет выгнать их, чем выносить сор из своей белокаменной избы в пять этажей...

— Заявление принес? — просто спросил Кириллов.

— Заявление, да не то, которого вы ждете,— вздохнув, ответил Алексей и выложил на стол копию докладной записки. Разговаривать с Кирилловым было легко: он присутствовал при опыте с античастицами, да и раньше не обходил установки Ярослава и Алексея стороной, всегда интересовался, что еще они придумали.

Кириллов внимательно поглядел на заголовок записки, перевернул страницу, взглянул на дату.

— Поздненько же вы с нею явились. Или все не решались отослать?

— Отослали в тот же день...— смущенно признался Алексей.

— Ну, ну, ну...— Кириллов задышал тяжело и часто. Его одышка — Алексей замечал это не однажды — возникала не только от усталости, но и от нервного возбуждения. Стало совестно: пришел к человеку, когда уже поздно что-нибудь сделать, только взволнует его понапрасну. Не об этом ли говорил и Ярослав?

Между тем Кириллов, вернувшись снова к первой странице докладной, внимательно читал ее, беззвучно шевеля толстыми потрескавшимися губами. Сидел, сбычившись каменной глыбой над столом, подперев лоб обеими руками, читал медленно, будто впитывал слова или записывал в памяти. Дочитал, снова уткнулся в дату и только потом уже разогнулся, посмотрел на Алексея.

— Чем же я тут могу помочь, Алеша? — неожиданно мягко спросил он.

Алексей словно споткнулся. Ведь все, казалось, началось правильно. Он пожал плечами.

— Завтра к одиннадцати нас вызывает академик. Красов поставил вопрос просто: или нашу работу подписывают все, кого он назвал, или... А мы, к его радости, все трое подали заявление об увольнении.

— Ну и глупо! — без обиняков сказал Кириллов. На широком, толстом его лице появилось что-то вроде обиды.

— Почему глупо? — ошарашенный, спросил Алексей.

— А как же вы будете бороться с Красовым и со всякой «красовщиной», если уйдете из института? Да еще «по собственному желанию»? Это же для товарища Красова лучший конец! И он подаст это самым естественным образом: молодые буяны восстали против руководства института и были изгнаны вон. Как это говорится в писании: «Изыди, дух сатанинский!» А те молодые ученые, которые с нетерпением ждут, чем кончится ваша борьба с Красовым, сразу слиняют и сникнут. Какая же это атака?

— Какие молодые? — с некоторым испугом спросил Алексей.

— Да что, свет клином на вас троих сошелся, что ли? — неохотно сказал Кириллов.— В институте немало любителей проехаться на чужом горбу, да и рикши имеются. Пока никто не протестовал, все рикши с любезностью подставляли спины, а теперь они вдруг заговорили. Пока еще, конечно, между собой. Но ведь удайся вам седока с горба скинуть, все заговорят вслух. А вы сразу: «Мы уходим!» Конечно, уйти проще. Вам даже характеристики дадут почтенные. Меня уже спрашивали: как я о вас думаю? А я думаю хорошо, так и сказал.

Молодые! Алексей вдруг вспомнил восхищенно-испуганные взгляды, которые порой встречал, вылезая из своей клетушки. Правда, никто из молодых сотрудников с доверительными беседами к нему не лез. Но ведь практика Михаила Борисовича Красова принята на вооружение многими деятелями института. Взять того же доктора Анчарова. Сколько помощников трудилось над его диссертацией! А кто из этих «добровольных» помощников успел за это время защитить свои собственные? Да никто! Анчаров скажет: «Нет удобного случая!» — и все молчат. Как же Алексей и Ярослав не подумали об этих молчальниках? Конечно, уйти сейчас из института — отступление!

— Хорошо,— сказал Алексей.— Завтра мы попробуем взять наши заявления обратно.— И встал.

— Попробуем! Попробуем! — передразнил Кириллов.— Да ладно уж, Аника-воин, иди. Я тоже попробую тут кое с кем поговорить... Правда, надежда невелика, не очень-то я маракую в теории ядерной физики, чтобы утверждать, будто вы и есть те самые гении, которые нужны нашему институту, но уж если такие зубры, как Богатырев и Тропинин, вам помогали, значит, у вас тут,— он постучал костяшками пальцев по своему широкому лбу,— что-то есть! Завтра после разговора с Иваном Александровичем заходи. Не так страшен черт, как его малюют!

Алексей вышел. Не то чтобы у него стало легко на сердце. Это только в песенке поется: «Легко на сердце от песни веселой!» А его песенка почти что спета. И угораздило же их забыть, что они не так уж одиноки! Останься они в институте, вопрос о неправильной практике Красова можно было бы поставить на Ученом совете. И повторить. И еще раз повторить. Как тот древнеримский сенатор, который каждую речь начинал с напоминания римлянам: «Карфаген должен быть разрушен!» — а потом уж переходил к вопросам рабовладения или там сокрытия доходов римскими богачами. И, глядишь, Красову пришлось бы самому спуститься в «преисподнюю», чтобы доказать, что он еще что-то умеет...

А Кириллов в это время названивал в Дубну. И когда профессор Богатырев подошел к телефону, заговорил спокойно, как о чем-то давно обоим известном:

— Ну, Павел Михайлович, завтра наших мальчишек поведут на заклание. Очень просил бы приехать к академику с утра. Я понимаю, что вставать в шесть часов после рабочей ночи не очень приятно, да жалко ребятишек. Ну, ну, я так и думал. Недаром же и поработал с вами рядом и повоевал под вашим началом! У меня все! — И, положив трубку, вздохнул свободно, откровенно.

Продолжение следует.

театр гастролей

Римма ЛИХАЧ

Фото автора.

В Даугавпилсе я всего три дня. Меня «зачислили» в труппу Московского гастрольного театра комедии, выступающего в городе. Живу в гостинице вместе с актерами, по вечерам после спектакля вместе с ними пью чай то в одном, то в другом номере. Узнала, что пес Митька, который ездит на гастроли, умеет точно определять, где жарят колбасу на плитке. Митька сидит у двери, а желающие поужинать прихватывают свои запасы, сообщая попутно и соседям: «Николай Антонович жарит колбасу!..»

К полуночи гостиница затихает, правда, ненадолго. Часа в два ночи возвращаются те, кто был на выездном спектакле, в глубинке. А в десять утра каждый день независимо ни от чего мы спешим на репетиции, где работают сразу три группы: на сцене, в нижнем и верхнем фойе. В гримерной Нина Константиновна Сергеева рассказывает, что ее Андрюша написал контрольную, как всегда, на «пять». Андрей — ученик 9-го класса, ездит с родителями на гастроли с двух лет. Там, где театр дает спектакли, Андрюша ходит в школу.

В хранилище декораций и сундуков с костюмами ощущение стабильности пропадает: «Чужой ребенок» приехал, а «Недоросль» выезжает... Сундуки перемещаются туда-сюда.

До Резекне надо проехать около ста километров. Значит, у актеров ранний выезд. Им подают автобус днем, а весь реквизит отправили еще утром. У каждого в автобусе есть свое любимое место и занятие. Помреж Наташа Ильина достает подушечку и моментально засыпает. Любительницы вязания тотчас приступают к делу. Ну и, конечно, обмен новостями. Со вчерашнего дня в театре волновались: на завтра объявлен спектакль «Крупный выигрыш», все билеты проданы, а вагон с реквизитом где-то застрял! Хотели уже посылать на розыски незаменимого Резо Капиляшвили, старшего рабочего сцены, но к концу дня вагон отыскался; теперь об этом говорили с облегчением. Про Резо рассказывают, что в Баку он пришел к директору театра и сказал: «Хочу работать в театре, но делать ничего не умею». Его взяли. С тех пор, вот уже пять лет, он ездит с труппой...

Дорога настраивает на воспоминания. Рассказывают, как гастролировали по Уралу и жили в вагонах, как гримировались на целине в коровнике, а играли на открытых грузовиках. Но чем ближе место назначения, тем больше разговоров о предстоящем спектакле. В. В. Светланова беспокоится, хороший ли клуб, как будут принимать,— ведь у этого театра зритель всегда новый: каждый раз снова завоевывать надо. За исполнение роли Бабушки в пьесе А. Касона «Деревья умирают стоя» Вера Васильевна Светланова была удостоена премии на московском весеннем театральном фестивале; но актриса есть актриса — волноваться будет всегда...

И вот пошел занавес. Актеры выходят на сцену, будто и не было длинного пути. Только за задником слышно тихое похрапывание: прилег отдохнуть рабочий сцены. Пусть поспит!

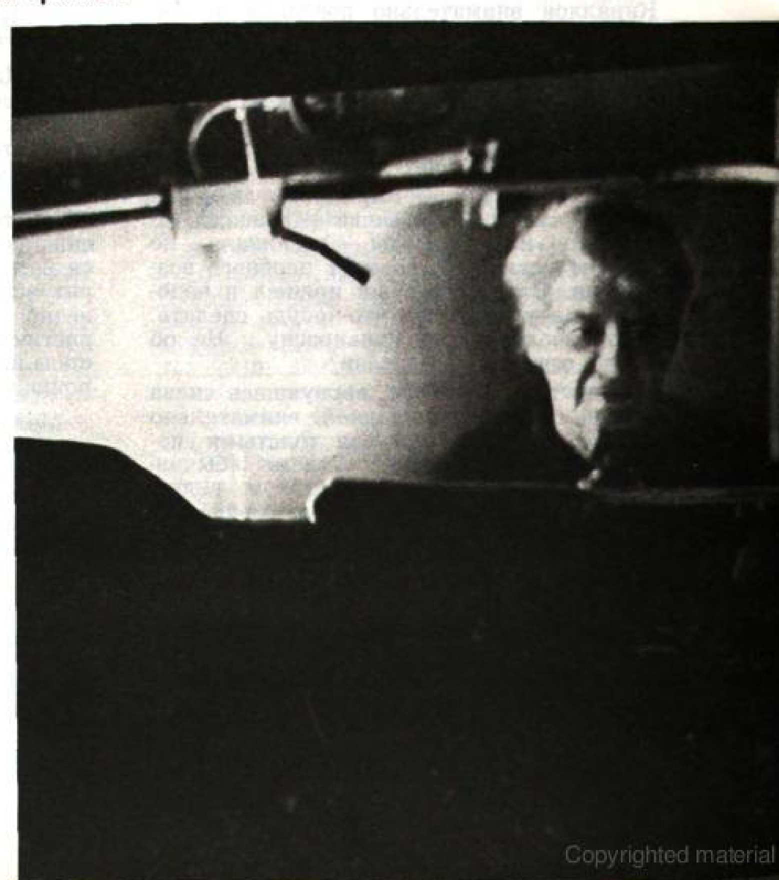
Спектакль окончен. Как всегда, им долго не дают уйти со сцены. Вызовы, цветы... Наконец утихли аплодисменты. Актеры готовы к отъезду. Но еще долго стоит автобус на уснувшей улице городка. Ждут, пока рабочие погрузят имущество. Это закон: ночью всегда возвращаются все вместе. А в гостинице у дежурной уже готов чайник; она предупреждает собравшихся: «Репетиция завтра в десять...»

Перед отъездом беседуем с Я. М. Кракопольским. Двенадцать лет он главный режиссер этого театра. Разговор идет о том, что жизнь театра нелегка, а все-таки ее все любят: и ветераны и молодежь. Здесь много приходится отдавать, но и взамен получаешь много... Каждый вечер новый зритель, и каждый вечер новое признание. Значит, нужно их творчество людям.

Есть у театра и свои беды. Новые пьесы репетируются и готовятся в поездках, а выпускать спектакль все-таки надо не по пути между двумя станциями! Недаром, когда театр получил на летнее время помещение филиала Малого театра, удалось выпустить три премьеры! А в этом году труппа еще не знает, где сможет приклонить голову... Числится театр за Управлением музыкальных учреждений Министерства культуры РСФСР. Не говоря ничего плохого об этом управлении, хочется все-таки спросить: при чем здесь оно?.. Театр гастрольный, но ведь он драматический!.. Почему бы не подчинить его Управлению театров того же министерства? Тогда бы гастроли планировались наравне с другими театрами, а не так, как сейчас, когда все поездки совершаются только по инициативе самого коллектива.

И разве нельзя найти для труппы постоянное помещение в любом районе Москвы? Ведь гастрольный театр — это не значит плохой. Наоборот: гастрольный — значит, хороший театр. Такой, которому доверено представлять Москву.

«Деревья умирают стоя». Бабушка — В. Светланова, Марта-Изабелла — Е. Гущина, Бальбоа — Н. Ермаков. ←

Репетицию ведет молодой режиссер Виктор Лялин, слева — актер Е. Тарханов.

Актриса Таня Приемская. В «Чужом ребенке» она играет Манечку.

Никому не приходится столько бегать, как помрежу Н. Ильиной; наконец-то можно и вздремнуть.

А это репетирует Я. М. Кракопольский.

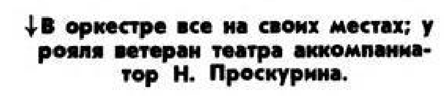
«Наша Машенька» — так все в театре зовут заботливого костюмера.

Сегодня Митька ужинает у Н. Руденко.

Спектаклем довольны и зрители и актеры.

↓В оркестре все на своих местах; у рояля ветеран театра аккомпаниатор Н. Проскурина.

Документы и оружие советских воинов, найденные в Аджимушкайских каменоломнях в январе 1966 года.

Человек, вскрывай письмо...

Тамара ШЕВЧЕНКО

В Голубятский сельсовет, Ярофеевым, пришло странное письмо. Адрес довоенный, в уголке выведено: «Человек, вскрывай письмо».

Вскрыли. И Анисья Архиповна застыла над белыми листками, исписанными густо, старательно. Читала долго. Потом заплакала. Виктор взял письмо из рук матери.

«21 января 1966 года наш девятиклассник Валерий Лукьянченко принес в школу записи ротного писаря, коммуниста Ярофеева Ивана Егоровича, вашего мужа, отца.

Дорогие наши! Найдены и его останки, сохранился партийный билет с фотографией Ярофеева Ивана Егоровича, 1902 года рождения,— вступил в партию в июне 1941 года,— выданный Добрянским райкомом. Дорогая Анисья Архиповна, кто вы — жена или мать Ивана Егоровича? Отзовитесь! Где вы сейчас, как живете, напишите нам. Ребята нашей школы создают музей боевой славы. Партбилет, списки мы сохраним. Приезжайте! Ваш муж погиб геройски, мы гордимся им. Наш адрес: г. Керчь, школа № 17 имени Героя Советского Союза Веры Белик, музей боевой славы».

Дети Ивана Егоровича — Нина, Владимир, Валентина, Вера и Виктор — снова и снова перечитывали письмо из далекого крымского города. Письмо о судьбе их отца, который более двадцати лет считался без вести пропавшим. Не было тут только Анны: она живет в Кривом Роге.

Шестерых поднимала Анисья Архиповна. Одна, без мужа. Были они, как опята вокруг пенька, мал мала меньше. Теперь-то уж стали дети на ноги.

...Ярофеевы собирались недолго. Выехали в Керчь. В Перми лютый мороз, а тут весенний ветер. Вышли Ярофеевы на платформу, не успели оглядеться, как со всех сторон налетели на них ребята, школьники. Тянулись к ним с цветами, жали руки. Какие-то женщины обнимали, целовали Анисью Архиповну.

...Скорее, скорее — увидеть места, где сражался и погиб ее Иван.

В селе Аджимушкай с древности сохранились заброшенные каменоломни. Протянувшиеся на километры подземные лабиринты известны не только историкам и археологам. Несколько месяцев в каменоломнях укрывалось более десяти тысяч советских воинов. Оторванные от всего мира, они держали оборону, наносили удары врагу. Об их героизме еще будут написаны книги.

Здесь боролся с фашистами и Иван Ярофеев. И вот через двадцать четыре года его жена и дети вместе с керченскими школьниками спускаются в каменоломни, в подземелье. Тусклый свет лампы ведет их по длинным коридорам.

Девятиклассник Валерий Лукьянченко тихонько рассказывает:

— Тут был обвал. Немцы сверху долбили, закладывали взрывчатку или авиабомбы. Взрывали. Вместе с хлопцами я пилой выпилил отверстие и пробрался в штольню. Там стояли две кровати, стол и стул. На столе — мины, гранаты, на земле валялись противогазы, пустая фляга, сумка с патронами. На одной из кроватей лежал скелет. На груди — полуистлевший планшет. А в планшете тетрадка, и в ней еще одна — со списками и адресами бойцов 3-го батальона...

Нары с остатками морской травы, гвозди, на которые бойцы вешали одежду. Камни, камни вокруг, и под ними, наверное, лежат воины, еще и сегодня числящиеся пропавшими без вести...

Тут, в этом холодном склепе, Анисья Архиповна как бы пережила последние дни своего мужа — пермского лесника, ставшего солдатом, прошла его тяжким путем. А когда поднялась из темных пещер на светлый простор степи, небо будто рванулось к ней.

Могилы бойцов вверху, на холме: там лежат ротный писарь Иван Егорович Ярофеев, лейтенант Захарий Владимирович Табунец, красноармеец Андрей Сергеевич Останишин. Все те, кого удалось опознать.

Учителя и школьники, жена и дети Ярофеева стояли возле памятника. Над ними высилась неоглядная синева, сухой воздух овевал лица. Анисья Архиповна чувствовала, нет, знала: в черноте пещер ее Иван всегда мечтал об этой синеве.

Списки с адресами бойцов 3-го батальона, найденные школьником на груди солдата Ярофеева, многим людям открыли судьбу их близких.

Феликс Шавлохов вырос без отца. Когда он был совсем маленьким, бабушка, старая осетинка, шутила:

— Ай-яй-яй! Такой слабый ребенок, давай выбросим!

— А папа вернется, что нам скажет?—сердилась сестренка Нина.

Но вот пришло известие: солдат Николай Антонович Шавлохов пропал без вести.

Феликс помнит рассказы дяди:

— Ты похож на отца. Такие же кудрявые волосы и взгляд, как у него. Мой брат был кадровый рабочий, печатник, настоящий труженик. Вот и ты работы не боишься!

Однако это рассказы о том, что было до войны. А мальчику, юноше, мужчине нужно знать всю жизнь отца. До боли нужно. Жесткие слова — «пропал без вести» — камнем лежат на душе.

И когда в город Орджоникидзе, где Феликс работает водителем на машине «Скорой помощи», пришло письмо из 17-й школы, он тут же выехал в Керчь.

Вот он идет по коридорам керченской школы. А кого тут спросить? Протянул конверт с обратным адресом какой-то девочке. Она нырнула в класс. И в ту же минуту оттуда с криком выскочила ватага мальчишек и девчонок: «Это наш! Это сын Николая Антоновича Шавлохова!..»

Феликса привели в музей. Он долго разглядывал документы, вещи, найденные в пещерах. Под стеклом — винтовки, изъеденные ржавчиной, ножи, каски. Стопка чистых конвертов, бумага. Полуистлевшие партбилеты Ивана Его-

ровича Ярофеева, Захария Владимировича Табунца, ясно виден номер — 1 723 344. Тетрадь со списком батальона. Фамилия Шавлохова стоит последней.

Окруженный школьниками Шавлохов-младший шел по городу. Словно горб верблюда, поднималась за домами гора. Вдалеке в лучах солнца искрилось море. Отец тоже видел эту гору и это море. По этим улицам он шагал с товарищами. На этой земле сражался с врагом... В тот день Феликс, казалось, вновь обрел отца. Теперь юноша пойдет по жизни вместе с ним. Перед его светлым образом померкнут все мелкие заботы и суета повседневности. И Феликс чувствовал, что ему открывается какой-то новый, большой, чистый и строгий мир...

Грузия и Урал, Казахстан и Осетия, Украина и Азербайджан. В 17-ю школу спешат письма со всех концов страны. Письма, обжигающие сердце. Учительница Лидия Михайловна читает своим питомцам:

— «Дорогие пионеры! Пишет вам дочь солдата Отечественной войны Хаимова Сивы Шимоновича. Вчера получили ваше письмо. Не верится. Перечитываем с сестрой и с мамой который уж раз. Этот маленький тетрадный листок воскресил образ отца. Мне, старшей дочери, было около пяти лет, а младшей — три года. Мы часто смотрели на портрет папы. «Пусть вернется,— говорила я.— Без рук, без ног, но пусть будет с нами...»

Учительница перевела дыхание. Ее ребята на всю жизнь сохранят в памяти эти письма. Пусть знают, что есть на земле беда. Пусть учатся помогать людям в горе. Пусть боль сжимает их сердца — это чувство святое. Пусть помнят: наше счастье оплачено самой дорогой ценой.

«Бабушка часто вспоминает нашего отца. Когда он был дома, говорит она, веселье не умолкало ни на секунду. Ребята, если вы еще что-нибудь узнаете, сообщите нам. Может быть, он жив. Если же он погиб, постараемся найти тех, кто воевал вместе с ним».

«Я тоже член партии и старая комсомолка 20-х годов,— пишет Валентина Васильевна Батуева.— Мы с сыном до сей поры ищем и ждем его папу. Мы ничего не знаем, кроме того, что он без вести пропал в апреле 1942 года».

А вот письмо из Ростовской области, из редакции газеты «Власть Советов»: «Благодарим школу за то, что она помогла установить имя нашего земляка Якова Ивановича Гончарова...» Маловисковский городской Совет: «Большое спасибо за то, что сообщили, как погиб наш земляк Захар Владимирович Табунец». О том же пишут из Перми, Кировограда, Алтайского края.

Как узнать всех, кто погребен под серыми камнями Аджимушкая?

Многих нашли, а о многих так никто и не услышит...

Учительница отодвинула объемистую пачку писем, подошла к окну, отвернулась. Класс в тревоге затих. Ребята знают: мать Лидии Михайловны — медсестра Мария Родионовна Молчанова тоже погибла в Аджимушкайских каменоломнях. Последний ее подвиг — ведро воды, которое она несла раненым. Жажда мучила людей в пещерах. К колодцу пробирались под огнем врага. Мария в тот день не донесла своего восьмого ведра. Вода смешалась с ее кровью. Моряки вынесли раненую медсестру из-под обстрела, но она умерла от гангрены. Та часть каменоломни, где лежит Мария Родионовна, завалена взрывами. И нет могилы, куда бы ее дочь могла принести цветы...

Истертые, еле различимые строчки в тетради, сохраненной ротным писарем Ярофеевым, открыли нам еще одну страницу Отечественной войны.

ПИСАТЕЛЬ И КНИГА

ГОРДАЯ СОВЕСТЬ

Острая публицистичность, не идущая на компромисс гражданственность, глубокая заинтересованность в судьбах нашей молодежи — таковы черты творческого стиля писателя Владимира Немцова.

«Очень понравилась мне ваша книга,— говорит ему один из читателей.— Когда читаешь ее, создается впечатление, что беседуешь с многознающим человеком, который хочет, чтобы я прожил жизнь счастливо и чтобы дети мои тоже были счастливы».

Скажу сразу: мне тоже понравилась книга Немцова «Гордая совесть». С первых же строк автор зажигает читателя своей страстностью, своим чувством ответственности перед завтрашним днем, втягивает нас в раздумья, в полемику, в спор.

Да, с автором «Гордой совести» можно спорить. Ему можно возражать, но нельзя остаться равнодушным к тому, что он пишет.

В самом деле: кого из нас не волнует некоторая «легковесность» в мыслях и поступках иных молодых парней и девушек? Кто из нас не пожимал недоуменно плечами, слыша от какого-нибудь юнца словеса, отрицающие любовь? Кто не болел за разбитую жизнь школьницы, ставшей жертвой непонимания жизни и вульгарного презрения к таким нестареющим понятиям, как «гордая девическая честь», как «высокая совесть» и «подлинная чистота отношений между людьми»?

Владимир Немцов говорит обо всем этом, не боится поднять и другие животрепещущие вопросы. Например, о мещанствующих родителях, которые научают своих отпрысков хвалиться папиной «Волгой», сверхмодными костюмчиками и всякими прочими атрибутами обывательского благополучия: «Как хочу, так и одеваю своего ребенка. Вам какое дело?»

Но ведь в том-то и штука, что ребенок должен выделяться своими способностями, а не кичиться деньгами родителей! Нельзя допускать в школе мещанского тщеславия.

«Простое слово «стыдно» — так называется одна из глав книги. Здесь писатель отвечает на вопросы сомневающихся молодых людей, не умеющих еще постоять за себя. В этой главе полемическая, обвиняющая интонация автора сменяется доброжелательной, отеческой.

Может ли девушка первой объясниться в любви? Является ли ревность признаком любви? На эти и на другие не менее интересные для молодежи вопросы отвечает нужная, полезная книга Вл. Немцова.

А. ПОМИНОВ

Вл. Немцов. Гордая совесть. Издательство политической литературы. 1966.

ОГНЕВЫЕ ГОДЫ

Роман писателя Александра Стрыгина относит нас к годам гражданской войны, становления Советской власти на Тамбовщине, охваченной огнем антоновского мятежа.

В центре произведения большевики, проводники ленинской политики партии в деревне, организаторы борьбы за укрепление Советской власти, за хлеб для голодающей республики. Они несут крестьянам ленинскую правду о земле, разоблачают перед ними подлые замыслы эсеров. Автор показывает в художественных образах и через судьбы героев коренные изменения в психологии крестьянства, трудно и не сразу осознавшего, что Советская власть — его власть. Писатель сумел создать характеры крестьян живыми, со всеми их противоречиями, а главное, исторически верно. Запоминаются и впечатляют яркие образы секретаря сельской партийной ячейки Василия Ревякина, непримиримого к врагам, питерского рабочего Алексея Панова, бедняка Юшки... Их объединяет твердая вера в правоту революционного дела, в счастливое будущее. В произведении А. Стрыгина действуют также невымышленные персонажи, исторические лица, хорошо известные на Тамбовщине: Антонов-Овсеенко, Васильев, Чичканов, Подбельский, Лавров, Рогозинский; это люди, бесконечно преданные народным интересам, партии большевиков, и они, естественно, выписаны автором с особой любовью.

Подлинные эпизоды истории и документы органически вплетаются в художественную ткань повествования, придают ему особую достоверность, наполняют книгу атмосферой огневой эпохи. В романе зримо встает перед нами трудное время, со всеми его сложностями, неожиданностями и драматическими, подчас трагическими ситуациями. Это время знаменуется величием и стойкостью народного духа, определившими победу революции.

Александр Стрыгин создал нужную, политически и художественно зрелую книгу. Это хороший подарок читателям к наступающему пятидесятилетию Советского государства.

Виктор ШИШОВ

А. Стрыгин «Расплата». Центрально-черноземное книжное издательство. Воронеж. 1965.

Чуткая душа художника

Более четверти века лежит между первым рассказом писателя Юрия Нагибина и его книгой «Далекое и близкое», составленной в отличие от иных юбилейных изданий не из избранных произведений, а целиком из новых. Сборник как бы говорит: Юрий Нагибин — в пути, вот его талант и возможности сегодня.

Далекое и близкое... Название тематически сцепляет произведения сборника. Преобладает в нем именно близкое — наши дни, сегодняшние думы и заботы современника. То далекое (не столь-то уж и далекое!), что пережито всеми нами, рассматривается автором с высоты современности.

В таком аспекте изображены события в самой крупной, заглавной вещи книги — в повести «Страницы жизни Трубникова». Это повесть о том, как демобилизованный офицер добровольно, по зову сердца приехал в разоренный войной и плохими руководителями колхоз, чтобы прочно поставить его на ноги, и сумел добиться неплохих успехов. (По мотивам этой повести снят фильм «Председатель».) В напряженной деятельности Трубникова, в мыслях его о счастье людей, в повседневной и даже повсечасной организации колхозников на труд проявляются черты незаурядной натуры вожака колхозного села.

Размышления о «далеком» совершеннее воплотились в рассказе «Шестнадцать процентов», интересном психологическом исследовании сложной и драматической судьбы героя.

Рассказ — та форма, в которой Ю. Нагибин наиболее удачлив, искушен, ведь недаром имя его стоит в ряду лучших советских новеллистов. Рассказы сборника «Далекое и близкое» еще раз подтверждают его право на это почетное место.

И особенно живописны, сочны те рассказы, в которых крупным планом дана природа, а жизнь героев связана с охотой, рыбной ловлей («На тетеревов», «Как скажешь, Аурелио»...). Акварели, воссоздающие тихие, розовые от утреннего света речные и озерные заводи, куда-то зовущие и чем-то печалящие полевые стежки-дорожки, задумчивые русские наши леса, такие акварели прочно врезаются в память...

Читая «Далекое и близкое», видишь душу самого художника. Душу, чуткую к прекрасному, добрую к хорошему в людях и в жизни.

И. КОЗЛОВ

Юрий Нагибин. Далекое и близкое. «Советский писатель». Москва. 1965.

Леониду Кудреватых — 60 лет

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения советского писателя и журналиста Леонида Александровича Кудреватых.

Он работал в Кирове (Вятка), Горьком, в Москве. Всю войну был на фронте корреспондентом «Известий». Семь лет работал в журнале «Огонек» заместителем главного редактора. Книги его очерков «За годом год», «Страницы жизни», «Мои современники» пользуются заслуженным вниманием читателя.

Репортаж о до-ре-ми

Валентин Григорьевич Морозов — самый младший в династии настройщиков пианино.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Я встречался со многими династиями, представлявшими самые разные профессии — ткачей и сталеваров, педагогов и врачей. И вот еще одна династия — настройщики пианино и роялей. Дед, отец, сын...

Сперва о дедушке.

Сто лет назад Кушнер работал в Екатеринославе. У кого были в те годы пианино? Дедушка знал их наперечет, всех до единого: кучка городских богатеев, аристократов-дворян и десятка два помещиков в округе. Правилом хорошего тона считалось иметь в гостиной дорогой заграничный инструмент — об отечественных в ту пору не могло быть и речи.

За дедушкой присылали лошадей, и он, захватив чемодан с инструментами, отправлялся в вояж. Если звал в дорогу помещик немец Бертман, дедушка знал, что придется объехать все шесть его имений, где в пустых барских домах пылились пианино и рояли, которыми пользовались очень редко.

Конечно, были инструменты и в семьях интеллигенции, где серьезно увлекались музыкой, но чтобы пересчитать таких людей, дедушке с лихвой хватило бы пальцев одной руки. Среди всех его клиентов был один, о котором в городе снисходительно говорили, как о чудаке: «Ишь, куда лезет... Фортепиано... Сумасшедший голодранец!» Это был бедный сапожник, решивший обучать двух своих девочек игре на фортепиано.

Дедушка больше всего любил настраивать инструмент именно у сапожника, потому что видел, какую радость доставляла музыка этой бедной семье. Уж тут пианино не пылилось и не стояло для мебели. Но оно не принадлежало сапожнику. Он арендовал его, как сейчас выражаются, брал напрокат, у купца. Тот сдирал с него за это втридорога: подвальная сырость вредно действует на инструмент. А жил сапожник действительно в сыром, полутемном подвале.

Отправляясь в поход по городу или в поездку по имениям, дедушка часто брал с собой сына, обучал его своему мастерству — у парнишки оказался отличный слух.

Пройдут годы, парнишка сам станет папой и переедет в Москву. Ему уже не придется странствовать по имениям и дворянским особнякам. Другие теперь клиенты у настройщика пианино и роялей.

Однажды его послали на аукцион — существовали такие в первые годы Советской власти — купить для радиостудии рояль. На аукционе продавался рояль из кабинета Николая II. Карельской березы, с монограммами. Он дал высшую цену, перевез инструмент на студию и сам настраивал его долгие годы. Царский рояль с тех пор неплохо потрудился для народа. Говорят, что он служит еще и сейчас, перекочевав на телестудию.

Время проложило новые маршруты, по которым путешествует столичный настройщик роялей. Теперь путь его лежал и в Хамовники и в Ростокино, в рабочие семьи, куда прежде он и не заглядывал. На его глазах менялась «география» пианино.

Так он обретал опыт, взрослел, так шла к нему слава одного из лучших в Москве настройщиков роялей и пианино.

Невидимый зрителям, он стал неотступным спутником знаменитых музыкантов. Судьба свела его с А. Б. Гольденвейзером, К. Н. Игумновым, В. В. Софроницким, А. В. Неждановой: он дежурил в концертных залах, когда они там выступали, следил за исправностью инструментов во время ответственнейших конкурсов. Бережно хранит он пожелтевшую от времени программу, на которой А. Б. Гольденвейзер начертал с благодарностью: «Рояль был в прекрасном порядке». Столь же дорога ему и фотография Вана Клиберна с написанными на ней словами благодарности за настройку рояля.

У отца он перенял не только великое мастерство, искусство проникать в таинство рождения чистого звука. Он помнил и о завете старика: «Хочу, чтобы и внук мой был тем же, что и дед его». Завет деда был исполнен. Наилучшим образом учил сына дома, брал с собой в концертные залы, привлекал к выполнению сложнейших работ.

И вот я сижу в мастерской по настройке пианино и роялей и беседую с самым младшим в династии — Михаилом Кушнером. Он рассказывает мне о дедушке, об отце, который, проработав 55 лет, ушел на пенсию, и вообще о своей профессии, о своих коллегах. Династия настройщиков — это, оказывается, не такое уж редкое явление. Валентин Морозов может, например, озаглавить свой рассказ так: папа, дядя, два брата и я. И все настройщики пианино. Поговоришь с ними и услышишь любопытные истории про музыкальные семьи москвичей. Таких в столице очень много. Но в первую очередь вам назовут семью Федькиных.

Вот уж где пианино — поистине неутомимый работяга! Мария Борисовна Федькина и сама обладает хорошим слухом, восемь ее дочерей и сын — в мать. Музыкальные способности у них незаурядные. Гарик увлекается скрипкой, Ира избрала виолончель. Все учатся играть на фортепиано. Четверо Федькиных, которых хорошо знают в музыкальных кругах, окончили школу имени И. О. Дунаевского, а старшая дочь — студентка музыкально-педагогического факультета института имени В. И. Ленина. Не все, однако, мечтают о музыкальной стезе. Одни поговаривают о химии, другие о физике, но для музыки у них у всех и навсегда сохранится уголок в сердце.

Лет шесть назад настройщик Михаил Кушнер впервые пришел в эту семью. В ту пору здесь действовал железный часовой график: в какие часы кто из детей будет заниматься музыкой. Марии Борисовне приходилось неустанно наблюдать, чтобы график не нарушался, а порой и примирять повздоривших ребят: каждый норовил час растянуть на два.

Осмотрев инструмент, Кушнер вынес ему суровый приговор:

— Это пианино не имеет смысла настраивать.

— Ну хотя бы временно! — взмолились дети.— Мы не можем жить без музыки!

Настройщик ласково посмотрел на них, улыбнулся и принялся за нелегкое дело. Инструмент был действительно никудышный.

Семья Федькиных жила скромно, хотя сам Гавриил Иванович, глава семьи, был видным юристом. На первый же гонорар, полученный им за книгу, было приобретено пианино. Это был большой праздник и у родителей и у детей.

Славу семье Федькиных принесла младшая дочь, Таня. Она учится в третьем классе музыкальной школы при Московской государственной консерватории. Музыкальные способности девочка проявила чуть ли не в четырехлетнем возрасте. Во всяком случае, музыку она стала сочинять раньше, чем научилась читать и писать.

Некоторые произведения Тани изданы и заслужили похвалу. На школьных вечерах она играет свои песни и марши. Ее видели телезрители. Недавно она выступала даже перед такими строгими судьями, как композиторы. Что ж, судя по их аплодисментам, они не отказываются принять маленькую Таню в свою среду.

Ряд видных музыкантов с восторгом отзывается о таланте младшей Федькиной и сулит ей блестящий успех на музыкальном поприще, если она успешно преодолеет трудные годы занятий. Союз композиторов предоставил Федькиным еще одно пианино — специально для Тани.

И теперь настройщик, навещая музыкальную семью, задерживается тут дольше обычного: два пианино занимают самое видное место в квартире. Танечка встречает его как доброго знакомого.

— Что вам сыграть, дядя Миша?

И он, сам окончивший когда-то музыкальную школу и слышавший на своем веку известнейших музыкантов, с интересом и удивлением следит за тем, как Танины пальцы бегают по клавишам. Но долго задерживаться нельзя: заявок очень много!

Куда же теперь держит путь настройщик? Как изменилась ныне «география» пианино? Я не стал его расспрашивать. Зачем? Попробую сам познакомиться с этой «географией».

...Магазин на Ленинском проспекте можно назвать музыкальным не только потому, что тут продают пианино, но и потому, что ими владеют здесь все продавцы.

Сегодня суббота. Покупателей больше, чем в другие дни недели. Два огромных зала заполнены инструментами. Все отечественного производства, разных фабрик, разных городов. Цены сравнительно невысокие, особенно если учесть, что на год дается кредит. Москвичи широко пользуются этой возможностью: магазин продает в месяц до шестисот инструментов, а перед праздниками куда больше.

Утро. В залах появились первые покупатели. Приходят обычно семьями, с детьми: как правило, пианино приобретается именно для них. Некоторые приводят с собой музыкантов. Но чаще дети сами перебирают клавиши: до-ре-ми...

— Вот она,— указал мне продавец на сухонькую старушку,— уже неделю как присматривается к инструментам. Со всеми продавцами переговорила, все выведала, а никак не решается...

Я познакомился с ней. Клавдия Петровна Мохова — ей пошел уже девятый десяток — полвека отдала родной «Трехгорке».

— Присматриваюсь, батюшка, присматриваюсь. Небось, не булку покупаю.— Она взглянула на меня лукаво.— Деньги-то какие!.. Ведь не в кредит, а за наличные. Правнучке, вот как! Правда, ей к Первомаю всего три годика стукнет, да ничего, пусть привыкает. К празднику-то и привезут: новую квартиру внуку дали. А я осторожная: на продавца надейся, а сама не плошай...

Она побрела по залу, останавливаясь, прислушиваясь, присматриваясь.

Между тем на пути к широкой, раскрытой настежь двери, выходящей во двор, выстроились в очередь только что купленные пианино. Богатырского сложения люди легко поднимают вдвоем тяжелый инструмент и несут его к машине. Это такелажники. Их бригада недавно отметила десятилетие своей работы: за десять лет она доставила москвичам 100 тысяч пианино.

В тот субботний день магазин продал сорок три пианино. Далеко не все воспользовались кредитом: четырнадцать человек предпочли уплатить наличными. Кто они, для кого приобрели инструмент и куда повезут его, я сказать не могу. Зато о двадцати девяти покупателях, которые прибегли к кредиту, магазину многое известно: в бухгалтерии лежат их документы. Четыре инженера, три научных работника, пять слесарей, четыре шофера, две медицинские сестры, четыре педагога, два начальника почтовых вагонов, кассирша из «Детского мира», артистка из Москонцерта, конструктор Общесоюзного Дома моделей, старший весовщик Москвытоварной, машинистка из научно-исследовательского института... Приятная статистика: пианино стало доступно всем слоям советского общества!

Характерно, что некоторые покупатели, оформившие кредит, сразу же внесли половинную стоимость инструмента. Иные досрочно покрывают свою задолженность: «Зачем тянуть целый год?»

Я беседовал с одним из покупателей, шофером Иваном Николаевичем Волчковым. Он купил пианино для своей четырнадцатилетней дочери.

— Учится она в восьмом классе общеобразовательной школы и в третьем классе музыкальной. На аккордеоне играет. Хвалят ее учителя, говорят, хорошо бы учить ее играть на пианино. Способная девочка. Вот и решили купить... А тут еще одно обстоятельство: ждем, вот-вот новую квартиру дадут...

И еще одна цифра для полноты статистики: сколько пианино повезли в районы новостроек столицы? Оказалось, что из двадцати девяти покупателей — двадцать четыре. Это все новоселы.

Вот что я узнал, собравшись писать репортаж о настройщиках пианино.

НЕДЕЛЯ ДОЖДЯ И СОЛНЦА

Весенний разговор с наукой. Витаутас Скобас—второй справа — среди ученых Литовского института земледелия.

●

Идут в наступление на кусты и болота машины отряда мелиорации.

На кедайняйских колхозных фермах.

Н. ХРАБРОВА

Фото В. САЛЬМРЕ.

Казалось, и в месяц не прогреется многокилометровый, за полгода насквозь прозябший пласт воздуха. А он в один день стал легким, золотым и горячим. Сразу проснулись березы и ивы, распустили на солнце светло зазеленевшие косы. Только что оттаявшая земля на глазах налилась яркой зеленью и той густой, мглистой, коричнево-сизой теплотой, какой она бывает окрашена лишь раз в году — накануне сева. Все пришло в движение. Одни аисты — спокойные добрые птицы Литвы — неподвижно встали в круглых больших гнездах и воззрились на привычную им жизнь людей и машин.

Сев полным ходом шел полтора дня. После обеда откуда-то вырвался и понесся по полям оголтелый ветер.

Витаутас Скобас, секретарь Кедайняйского райкома партии, несколько минут наблюдал, как за окном металась молодая липа и небо набухало темнотой. Потом окно помутнело, заструилось, началась деревенская беда — не ко времени дождь...

Наутро Скобас вызвал главного агронома района Гинтаутаса Вишняускаса.

— Как?

— Худо. Стоим. По всему району дожди. Прогноз — целую неделю кратковременные осадки. Запаздываем. Помните, в прошлом году в этот день было семнадцать процентов посеяно, нынче лишь пять.

— Будем стоять. Передай хозяйствам: сеять только в просохшую землю.

— Передал.

— Как озимые?

— Группы госстраха выехали в район, сообщают: пятая часть озимых погибла под апрельским обледенением, не помогло и то, что лед резали и ломали машинами.

— Значит, как и договорились, будем перепахивать и подсевать ячменем.

Вишняускас ушел. Скобас стал перемножать тракторы и гектары, прибавлять к пахоте и севу те 20 процентов, что надо перепахать и пересеять. Выходило много.

Не соскучишься за этим столом. За шесть лет дня не прожито спокойно, хотя по виду спокойнее секретаря райкома партии человека в районе не сыщешь.

Сначала мучили сомнения: как это он, горожанин, токарь, спортсмен-теннисист, преподаватель института, как он будет жить в деревне? Сумеет ли понять и полюбить землю?

Потом, когда разобрался в земельных делах, тоже не успокоился. Район получал с гектара 9—10 центнеров зерна, и практика земледелия тут была в великом разрыве даже с самыми средними нормами теории. А «сверху» иногда такое «подскажут»! Например, насаждать лесозащитные полосы. Это в Литве-то, которой и так от кустарников спасу нет. Или бетонировать ямы для силосования кукурузных початков. А какие могут быть початки, если и листьям солнца не хватает, дожди и дожди!.. Или распахивать культурные, сеяные травы — главное сельскохозяйственное богатство Литвы...

Можно, конечно, не соглашаться и спорить, но и машины шли от решений «сверху» и удобрения тоже. Мартовский Пленум ЦК КПСС раскрыл и уничтожил причины многих деревенских неудач. Тогда это казалось довольно далеким: строить заводы минеральных удобрений, выпустить много сельскохозяйственных машин, на больших массивах наладить мелиорацию — ведь для этого нужны годы и годы!

Но сдвиг, который произошел всего в один сельскохозяйственный сезон, от посевной до уборки, от марта до сентября, оказался огромным. Осенью 1965 года Кедайняйский район получил по 22,4 центнера с гектара, стал лучшим в Литве по урожаям зерна.

Витаутас Скобас давно уже не задумывается: сумел ли он понять и полюбить землю? Он просто узнал, что ей всего нужнее. Он просто мок и мерз вместе с нею, дрожал над каждым ее зерном и ростком и бывал вместе с нею согрет и счастлив.

Попробуй живи теперь без тревоги за эти 22,4 центнера, полученные на больших площадях, должно быть, впервые за всю историю Литвы. Попробуй удержись на этой высоте, защити урожай от чертовщины циклонов и антициклонов, которые вот в эту минуту рождаются неизвестно где и грозят бедой твоему теплому, зеленому району...

Сидеть в кабинете и отвечать на телефонные звонки стало невмоготу. Он сбежал вниз, не нашел шофера, сам сел за руль, выехал за город. Теплый дождь тысячами тонких ног скакал по новому асфальту. По всей шири полей неспешно ходили люди, почему-то не убегали, не прятались от дождя.

В Швентойишках грохотала колонна мелиораторов. Бог ты мой, ну и хаос здесь! Курятся выкорчеванные корни и пни, и от сырого дыма костров сладко пахнет дальними странствиями, рыбалкой, охотой — чьим-то чужим отдыхом и романтикой... Знакомые трактористы режут траншеи, а сбоку рыжий конь тянет нагруженную телегу и кряжистый дед раскладывает по бровке светло-оранжевые гончарные трубки. Слева рычат бульдозеры, засыпают траншеи. Идет сотворение новой земли. Идет четкий, продуманный, наукой разработанный комплекс окультуривания почв. Идет не только в Швентойишках, идет по всему району, по всей Литве.

Когда-то, до установления Советской власти, было подсчитано: на осушение всех переувлажненных земель Литвы потребуется 150 лет. Сейчас в республике ежегодно осушается 80—90 тысяч гектаров — больше, чем в ФРГ, Дании и Швеции, вместе взятых. А с каждого гектара, осушенного закрытым дренажем, можно получить пять-шесть дополнительных центнеров зерна. Что касается Кедайняйского района, то уже к концу пятилетки больше половины всех переувлажненных земель будет осушено закрытым дренажем. Спасибо тебе, друг и сосед, спасибо тебе, институт мелиорации, расположившийся рядом с Кедайняем.

Еще один институт стал добрым другом и соседом Витаутасу Скобасу — республиканский Институт земледелия в Дотнуве. Несколько лет назад здешних ученых ругали «травопольщиками». «Травопольщики» тут — коммунисты, умные, талантливые селекционеры. Почти все поля республики засеяны их сортами зерновых, трав и овощей, много сортов районировано и за пределами Литвы.

Антанас Будвитис, директор института, сидел за столом и что-то разыскивал в видавшей виды записной книжке.

— Что у вас нового по борьбе с дождем? — спросил Скобас.

— Самое новое — это то, о чем я говорю вот уже десять лет: окультуривать поля, еще и еще раз окультуривать их,— ответил Будвитис.— Тогда никакой дождь не страшен. И еще — людей учить!

Тут Будвитис сел на своего конька — и пошло! Он произнес длинную речь о том, что в таких, как вот их институт, учреждениях преподаватель половину своего времени должен отдавать исследованиям, а исследователь должен половину времени преподавать. И что надо каждый год учиться на институтских курсах, всем учиться: работникам райкомов и райисполкомов, председателям колхозов, агрономам, бригадирам, звеньевым, дояркам, журналистам!

И вдруг спросил хмуровато:

— А, собственно говоря, что это вы беспокоитесь о дожде? Вон в районе какие поля — от институтских не отличишь: ровные, чистые. Это мне надо беспокоиться, если институту колхозные поля на пятки наступают!

И оба улыбнулись.

В Ариставе дождя не было. Солнце теплыми ладонями бережно оглаживало пашни, и они чуть парили, как под утюгом. По пашням бродили культиваторы, приспособленные для внесения в почву аммиачной воды, и студентка-практикантка в красном свитере бежала рядом с машиной и что-то записывала на бегу. С другого поля неслась сумятица женских голосов, женщины шли разомкнутым строем, с корзинками в руках, перекликались и все время наклонялись: убирали с поля мелкие камни. В отличную землю ляжет в этом колхозе зерно.

Юргис Митас, агроном колхоза, прошагал к зеленому разливу культурных пастбищ, нагнулся, стал разбирать что-то в молодой траве. Скобас пошел к нему.

— Клевера пострадали,— сказал Митас,— подсевать будем. Нынче еще сеном возьмем отсюда, а на будущий год начнем пасти скот. Большое это будет богатство.

— А не сеете почему?

— Вот подсохнет, и начнем.

Митас взглянул на секретаря и понимающе добавил:

— Управимся. Свое возьмем. Не беспокойтесь.

Это он о тех 28 центнерах зерновых, что они, в «Ариставе», получили с гектара в прошлом году. Действительно, тридцати трем институтским центнерам на пятки наступают. И строят в колхозе, строят — новые склады, фермы, поселки в бригадах...

Уходит в прошлое старый, серый, деревянный район. На полях — цеха масла, мяса, молока, птицы. С птицеферм совхоза «Вайникай» каждый день идет в Каунас 10 тысяч яиц. Индустрия!

И нельзя было отказать себе в удовольствии на пути в город завернуть в гости к настоящей индустрии — на Кедайняйский химкомбинат. Суперфосфат и серную кислоту отправляют отсюда в разные республики Советского Союза, к друзьям — в социалистические страны, идет продукция и в Финляндию и в Англию. Вот что такое этот комбинат!

...Так она и шла, эта первая неделя сева,— в золотом солнечном тепле и в частых струях дождя, в непрестанной смене тревог и радостей. А в конце недели случилось вот что: коллектив Кедайняйского завода электроаппаратуры выдвинул Витаутаса Скобаса кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Директор завода Стасис Сакалис сказал, предложив кандидатуру Скобаса:

— Вы все знаете, как изменилась к лучшему жизнь в районе. Конечно, один человек ничего не может. Это сделала партия, государство. Но Витаутас Скобас — человек умный, образованный, добрый. Да, добрый — это ведь очень важно. И умеет он отобрать из многих возможностей улучшения жизни самые правильные, самые выгодные для нас — это вы тоже знаете.

Проголосовали за секретаря райкома дружно.

...Мы почти всю неделю были рядом с Витаутасом Скобасом. Перед отъездом спросили:

— А о чем мечтает секретарь райкома в свободное от работы время?

Скобас ответил серьезно, без обычной для него улыбки:

— О хлебе! О стойких 25—30 центнерах с гектара. Ну,— это уже с улыбкой,— и о теннисе еще немножко... А хлеб — главное! Будет 25, а потом и 30 центнеров, все будет: доходы, новые колхозные поселки, клубы, теннисные корты, кино, театры в деревне, образование, интересная, наполненная жизнь!

Об этом говорили на съезде

Новые модели легковых автомобилей

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду партии товарищ Л. И. Брежнев говорил: «Для более полного удовлетворения потребностей народного хозяйства в этой пятилетке намечается значительно увеличить производство автомобилей...»

Корреспондент «Огонька» беседовал с начальником Управления конструкторских и экспериментальных работ Министерства автомобильной промышленности СССР Львом Васильевичем Косткиным. Вот что он рассказал:

— Наша задача заключается не только в том, чтобы значительно увеличить выпуск машин, особенно легковых автомобилей. Нужно, чтобы они были красивее, комфортабельнее, прочнее. И для этого есть все возможности — ведь за пятилетие должно улучшиться качество металла, стекла, резины, пластмасс и других материалов, которые используются при изготовлении автомобилей.

В новую пятилетку с конвейера Московского завода малолитражных автомобилей будет сходить полюбившийся советским людям «Москвич-408». Это вполне современная и комфортабельная модель. Внешние ее формы подвергнутся дальнейшему развитию, пассажирский салон будет улучшен, а мощность двигателя увеличится. Следовательно, повысятся и динамические качества автомобиля, его скорость.

К концу пятилетия страна будет получать около 200 тысяч таких автомобилей в год. Предстоит реконструкция завода — здесь построят новые промышленные здания, вспомогательные сооружения, инженерный корпус с экспериментальным цехом.

Горьковский автозавод даст стране новую «Волгу». Уже сейчас машины этого типа пользуются спросом не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Они очень прочны, комфортабельны. Новая «Волга» имеет более современный, красивый кузов. Двигатель ее мощнее, машина развивает большую скорость.

Несколько слов о Запорожском автозаводе. Известная малолитражная модель «Запорожца» значительно улучшена. Подготавливается к выпуску новая модель с современным, более просторным кузовом, машина станет значительно комфортабельнее и быстроходнее. В год завод будет выпускать 150 тысяч новых «Запорожцев».

В стране появятся и другие малолитражные автомобили — это будет продукция одного из заводов, который мы предполагаем построить.

Теперь о грузовых автомобилях. Их выпуск за пятилетие увеличится примерно в полтора раза. В основном это будут машины большой грузоподъемности и тягачи с прицепами и полуприцепами грузоподъемностью от восьми до двадцати с лишним тонн. Так, Московский завод имени Лихачева намечает поставить на производство трехосный автомобиль «ЗИЛ-133» грузоподъемностью 8 тонн, который с прицепом может перевозить вдвое больший груз.

Резко возрастет выпуск мощных самосвалов — типа белорусского «Белаза» и автопоездов грузоподъемностью 40—65 тонн и еще более мощных, грузоподъемностью до 110 тонн. Должен возрасти и выпуск дизельных грузовых автомобилей. Как видите, задачи, поставленные перед автомобильной промышленностью, весьма значительны. Есть все основания утверждать, что они будут выполнены.

ЯБЛОКИ

Сначала цветут абрикосы. Они начинают первые. За ними — черешни, вишни, сливы, персики, груши. Последними в одну прекрасную майскую ночь просыпаются яблоневые сады. Делают они это как-то очень спортивно: «Приготовились!.. Начали!» И утром всё белым-бело.

Я брожу по белым садам, завидуя всему живущему здесь, и самым бессовестным образом клянчу яблоки. Это ведь Куба! Не та Куба, которая в океане, а наша, азербайджанская Куба — остров яблок между Каспийским морем и царь-горой Шахдаг. И мне надо узнать, какого вкуса кубинские яблоки, как они пахнут, ватные они или с кислинкой. Безумная ханум! Какие могут быть яблоки сейчас, весной?!

Но все же я нахожу их без особых усилий. Сначала в двенадцатом совхозе. Здесь третий по величине яблоневый сад в нашей стране. Тут сохранился с прошлого урожая симпатичный местный желтенький «сары турш». Потчует директор совхоза агроном Гусейн Кулиев. У него бронзовое лицо, он худ, саркастичен. Сарказм направлен в адрес тех, кто занимается сбытом яблок. Его уже давно не волнует вопрос, как вырастить яблони на бывших чалтычных (рисовых) землях. Он механизировал перекопку, «вертолетизировал» опыление, может выдавать яблоки эшелонами, эскадрильями. Его волнует, как эти яблоки попадут в торговые сферы, в консервные производства, словом, к тем, для кого они появились на свет. Радостная картина. Радостная потому, что, как говорится, налицо яблочное изобилие. И горькая картина. Очень горькая, потому что сбыт не поспевает за производством, потому что далеко не все, что из этих белых цветов превратится в кисленькие «сары турши», удается отсюда вывезти.

Сортов яблок в Кубе много. Впрочем, хвастать теперь большим разнообразием сортов совсем ни к чему. Главное — отобрать лучшие, улучшить эти лучшие и распределить по районам, то есть районировать. Этим занимается работающий в Кубе Азербайджанский научно-исследовательский институт плодоводства. Он районировал 131 сорт плодовых, довел яблочные сорта сначала до 30, теперь до 22, с акцентом на зимние, более лежкие, выносливые. Давно уже нигде нет яблок, а кубинские дотягивают до лета. Помощники ученых — народные селекционеры. Из этого кладезя еще черпать не перечерпать. Вот, например, Фазил Дадашев...

Еду к нему в нагорное село Нюгедын. Совхоз имени Жданова — резиденция яблочных династий. Сколько лет Нюгедыну (а ему 400 лет), столько здесь выращивают новые сорта яблок. Фазил вывел их десять, лучший назвал именем своего отца Мехти. Этот «Мехти» вошел в гибридный фонд института. Человек Мехти, давным-давно почивший, и не думал, что когда-нибудь войдет в науку.

Фазил живет в другое время, хотя занимается тем же, чем занимался отец. Не стал он ни агрономом, ни ученым, ни каким-нибудь деятелем. Дети его получили образование, пошли работать в школы учителями. А он остался при яблонях. Должен же кто-то оставаться при яблонях.

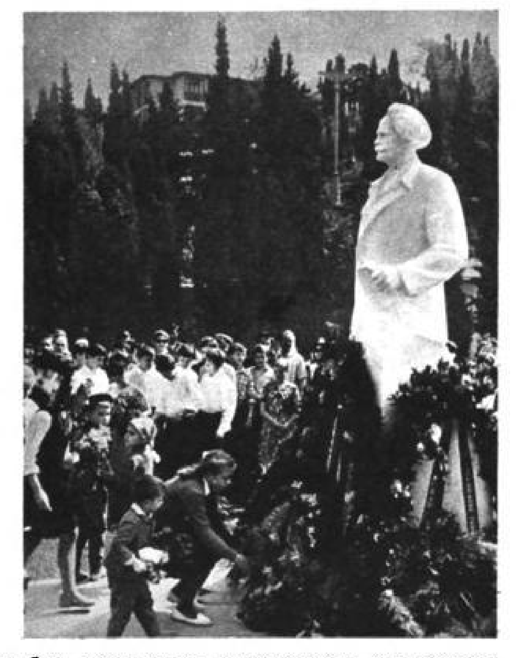
Яблони тоже в общем не изменились. Так же цветут каждую весну, так же гнут свои ветви под тяжестью плодов. Изменился дом Фазила. Вернее, он построил новый. В этом доме чисто, просторно, светло, много ярких кубинских ковров и красивой посуды. В этом доме газовая плита и телевизор. Фазил смотрит передачи из Баку и Москвы, из Будапешта и Лондона...

Фазил поборолся за все это. В первые годы революции он выступал на сходках. В 1920 году ему уже было 36 лет. Он, конечно, имел семью, работал в чужих садах. И так как нрава был общительного, бойкого, его избирали делегатом на съезды. Правда, не дальше уездных, кубинских. Был он и одним из четырехсот делегатов Первого беспартийного съезда крестьян Кубы, голосовал за ту самую телеграмму, что посылали Ленину 3 октября:

«Первый, беспартийный съезд крестьян Кубинского уезда приветствует в Вашем лице вождя и великого учителя международного пролетариата и трудящихся всего мира...»

После кубинского беспартийного прошло больше двух месяцев.

ПЕВЦУ ПРЕОБРАЖЕННОЙ РОССИИ

Не одно десятилетие Крым был источником вдохновения для замечательного советского писателя Сергея Николаевича Сергеева-Ценского. Только первое крупное произведение писателя, «Лесная топь», не имело отношения к Тавриде. Зато все последующие романы и повести Сергеева-Ценского, включая «Севастопольскую страду» и эпопею «Преображение России», во многом навеяны Крымом. Именно Крым, по словам самого Сергея Николаевича, утвердил писателя в основной его теме — теме преображения России.

Еще в 1905 году, уйдя с преподавательской работы, Сергей Николаевич поселился в Крыму, в Алуште. Здесь, в любимом городе писателя, недавно открыли памятник С. Н. Сергееву-Ценскому.

Памятник писателю утопает в цветах. А вокруг гордо высятся кипарисы. Те самые деревья, за которые когда-то вступился в Алуште Сергей Николаевич. Сергеев-Ценский приложил немало сил, чтоб спасти прекрасные деревья от вырубки. И теперь кипарисы, словно бессменные часовые, окружили памятник певцу русской природы.

Н. ВЛАСОВА

На снимке: открытие памятника академику С. Н. Сергееву-Ценскому.

Фото Л. Яблонского.

СТИХИИ НЕПОДВЛАСТНО

Полмесяца лютует подземная буря в районе Ташкента. Начавшись 26 апреля сильным землетрясением, она уже несколько раз тревожила жителей столицы Узбекистана. Свыше трехсот подземных толчков зарегистрировала сейсмическая станция «Ташкент». Большинство из них были слабыми, и горожане их не почувствовали. В ночь на 10 мая снова разразился подземный шторм. Загудела и содрогнулась земля. Несколько сильных толчков сотрясли город. Самый мощный — 6—7 баллов. Ташкентцы опять покинули свои дома и ночевали во дворах и городских скверах.

Это была трудная, тревожная ночь. В ряде районов города погас свет. Обрушились дома, особенно старой постройки. Подверглись разрушению некоторые общественные и жилые здания.

Да, это была трудная и тревожная ночь. Надо еще добавить: эти несколько часов были часами большой стойкости и мужества. Без перебоев работала «Скорая медицинская помощь». Люди в белых халатах появлялись в самых опасных районах, на месте оказывали первую помощь. Четко действовали ташкентские пожарные: поврежденные линии высокого напряжения грозили крупными пожарами. Отвага людей не дала подземной стихии соединиться в ее разрушительном наступлении со стихией огня.

Общая беда сплотила ташкентцев, и эта сплоченность дала им силы, выдержку. Они знали, какое большое внимание Ташкенту уделяют партия и правительство, что вся страна спешит им на помощь, все союзные республики, сотни городов. Из Москвы, Ленинграда, Киева едут ударные отряды строителей. Сибиряки и уральцы уже прислали сборные дома для города-спутника Ташкента — Сергили. Труженики окрестных колхозов и совхозов принимают под крыши своих домов тех, чьи дома в городе разрушены. Хорошо работают торговые организации.

Сейчас, когда пишутся эти строки, город на большой трудовой вахте. Работают заводы и фабри-

В Москве собирался Восьмой Всероссийский съезд Советов. Все чувствовали: дела идут лучше. Красная Армия разгромила Врангеля, отвела новую опасность от Баку. Стала советской соседняя Армения. Предстояло серьезно заняться восстановлением народного хозяйства, люди задумывались: как дальше жить? В Кубе ждали, что скажет Ленин на съезде Советов в Москве.

Делегатом туда из Кубы ехал всего один человек, председатель Кубинского ревкома, коммунист Касум Исмаилов. Сады под Шахдагом стояли голые, пустые. Все, что удалось снять с деревьев, крестьяне продали, выменяли. Голодным был в Азербайджане 1920 год. И все же кое-кто имел запасы. Чем, если не яблоками, могла приветствовать Москву Куба?

Касум Исмаилов повез яблоки в адрес Восьмого съезда Советов. Два яблока он держал при себе, в кармане. Они были какие-нибудь особенные?

Да, они были особенные.

Со мной старый номер «Правды», 1921 год, 5 января. Заметка — «Кубинские настроения». Пишет управляющий делами Совнаркома РСФСР Н. П. Горбунов:

«...Тов. Касум Исмаилов, председатель уездного Кубинского Ревкома Бакинской губернии, вручил мне для тов. Ленина два яблока и рассказал следующее: «Председатель беспартийного союза товарищей Кубинского уезда Бакинской губернии тов. Мирза Баба Таиров передал эти два яблока в подарок тов. Ленину от беспартийных крестьян и просил рассказать тов. Ленину, что яблоки эти не являются простыми только яблоками, а выражают собой мечты крестьян Кубинского уезда о свободе Востока...»

Вот так два яблока из Кубы оказались на столе Владимира Ильича. Лежали среди бумаг как привет, как напоминание о том, что Азербайджан — это не только нефть. Хотя нефть оставалась самым главным. Самым-самым...

Нефть. Топливо. Энергия. Электрификация. Электрификация — коммунизм. Электрификация — свет. Свет — культура, просвещение. Газеты. Газеты для всех. И для тех, которые выращивают эти яблоки.

Яблоки — жизнь. Радость. Удовольствие. Яблок должно быть много. Яблок будет много. У всех.

Ильич ответил на подарок незамедлительно: послал в Кубу печатную машину.

Печатная машина какое-то время плутала по Кубани (кто тогда знал Кубу?) и прибыла наконец в маленький азербайджанский городок. Не было тогда в нем ни средних школ, ни сельскохозяйственных техникумов, ни научно-исследовательских организаций. Не было дворцов культуры, кинотеатров, радио, телевизионных вышек. По эту сторону Гудьялчая высились мечети, по ту сторону, в еврейской слободе,— синагоги. Со времени установления в Азербайджане Советской власти прошел всего лишь год. И вдруг в Кубе начала выходить своя газета «Эхбари» («Известия»).

Вот этот маленький одноэтажный дом на Коммунистической улице. У входа надпись: **«Здесь помещается печатная типографская машина, подаренная в 1921 году В. И. Лениным трудящимся г. Кубы».**

...Старая районная типография. Старые печатники. Гаджибаба Багиров работает здесь около сорока лет. Тридцать два года работает Абдула Рзаев. И стоит плоскопечатная старушка рождения 1900 года, фирмы «Альберт и К°», № 5274. Пребывает в полной исправности. Кубинские типографщики берегут ленинский подарок, а газету печатают на новой машине Ейского завода.

Называется теперь газета «Шафаг», что значит «Заря». В апреле ей исполнилось 45 лет.

А я все думаю о Фазиле и хорошо представляю, как он читает свою газету.

Вот он, набегавшись со своим посохом в руках по селу, усаживается на балконе, где обычно семейство пьет чай. Рядом неизменная спутница его жизни, жена, между прочим, зовут ее Хурма. Фруктовое имя. Кто бы ни читал газету, Хурма, конечно, комментирует, вставляет свои замечания. Иначе она не может.

Они развернут этот номер газеты, Хурма что-нибудь съязвит по поводу хорошенькой девичьей мордашки на первой странице. Кто такая? Передовая работница из совхоза имени XXII партсъезда? Что ж, она, Хурма, тоже в свое время была передовой. Только в то время не фотографировали женщин. А если бы фотографировали? Что думает на этот счет Фазил? Фазил думает: «Помолчала бы старуха... Вот неугомонная!..»

Тут директора совхозов пишут что-то о своих делах. Посмотрим, что они обещают? Или вот — опять попало совхозу «Путь к коммунизму» за отсталое плодоводство... Объявляют созыв очередной сессии районного Совета депутатов трудящихся. Девять раз избирался Фазил в Совет. Девять раз.

Так они пробегают страницы кубинской жизни. Еще фотография: в одиннадцатом совхозе строят новые жилые дома. Какие-то молодые люди возмущаются, что им негде заниматься спортом. Кто-то просит открыть новый автобусный маршрут в селении Кечреш. Кубинская школа-интернат получила от сельских ребят из Литвы подарки... Ага! Вот это очень нужно: «Библиотека садовода». Советуют прочесть такие-то книги, подробно рассказывают о них...

Но и это не все. «Шафаг» печатает (очень коротко, конечно) о том, что делается на белом свете. И публикует снимки: из Сибири — там строят Красноярскую ГЭС, из Ленинграда — о новом спектакле, из Италии — о том, как крестьяне обрабатывают землю...

45 лет назад «Правда» писала о Кубе: «...темный, захолустный край. Масса почти вся безграмотна...».

Вот, пожалуй, и все о кубинских яблоках, беспартийном крестьянине Фазиле Дадашеве и подарке Ильича.

ки, учреждения, транспорт и связь. Тысячи ташкентцев — на улицах. Они расчищают площадки для новостроек. Бульдозеры сносят особенно пострадавшие строения. Пришли на выручку и воины Советской Армии. Вместе с тракторами, подъемными кранами вышла на бой с последствиями стихии боевая техника — танки.

Сегодняшний Ташкент — миллионный мужественный трудовой коллектив, который не сломила и не сломит никакая стихия. Человеческое мужество стихии неподвластно.

Ю. СБИТНЕВ,
собкор «Огонька»

На снимке: срочный груз для Ташкента — сборные дома с Урала и из Сибири.

Фото А. Абаляна.

ВСТРЕЧА В ДАКАРЕ

Среди тех многих людей из-за рубежа, которые в апреле приехали в Дакар на первый фестиваль африканского искусства, был молодой поэт из Южной Африки. Но его путь в Сенегал лежал не из Йоганнесбурга. Уже несколько лет этот человек не был на родине. Его зовут Уильям.

Уильям родился в одном из районов Йоганнесбурга, отведенном для африканцев. Там, в этих гетто, человек с детства познает, что ему уготована суровая судьба парии, тяжкое бремя человека второго сорта. Там зарождается ненависть к тем, кто пришел на эту землю, чтобы утвердить свое господство.

Мы сидим с Уильямом на узенькой и шумной улочке Дакара в открытом кафе, и Уильям рассказывает о себе.

Когда Уильям окончил школу, он стал искать работу. Он нашел ее. Клерком в одной компании, конечно, принадлежавшей белому. Но он смог выносить эту работу, а вернее, унижение со стороны белых, лишь 4 месяца. Потом новое место, там отношение к африканцам заставило его уйти через две недели. В третий раз он смог продержаться лишь два дня. Тогда Уильям перестал искать работу. Он попробовал писать. Это получилось. В «белых» газетах у него стали принимать статьи — требовали главным образом сенсационные статьи о преступлениях черных в гетто. Уильям знал проблему: его жизнь началась и проходила в этих районах. Но, когда однажды он принес статью о плохом положении студентов-африканцев, редактор газеты потребовал от него сообщить имена тех, кто дал ему материал. Уильям отказался это сделать и взял статью обратно. Только прогрессивная газета «Нью Эйдж» взялась опубликовать ее. Уильям стал постоянным сотрудником «Нью Эйдж». Редактором ее был тоже белый. Но впервые в жизни работа доставляла Уильяму удовлетворение. Он писал о многих проблемах.

В 1961 году во время забастовки африканцев в Йоганнесбурге Уильям как журналист начал расследовать историю, которая произошла с одним африканцем. История эта была обычной для Южной Африки. Человека арестовали за то, что он шел из одного района для африканцев в другой и не имел с собой удостоверения личности, которое предписано носить всегда каждому африканцу. Тюрьмы в это время были забиты участниками забастовки. Человека, замученного, избитого в полицейском участке, продали какому-то белому фермеру на срок, к которому он был приговорен. Это — одно из наказаний для черных в ЮАР. «Нью Эйдж» собиралась опубликовать статью Уильяма, но полиции удалось захватить материалы газеты, подготовленные к печати. Среди них был оригинал статьи Уильяма, под которым стояла его фамилия. Он знал, что за ним придут, должны прийти. Только счастливое стечение обстоятельств позволило ему ускользнуть из лап Фервурда.

Мне показалось, что горечь жизни и тяжкие мысли о судьбе своей родины — ЮАР — мешают Уильяму видеть то новое, огромное, обнадеживающее, что происходит по всей Африке.

У меня была с собой небольшая карта Африки. Знойный континент лежит на голубом фоне океана, словно открытая человеческая ладонь. Границы на ней похожи на «линии судьбы». Мы вглядывались в них, пытаясь увидеть будущее континента. Я рассказывал Уильяму о тех странах Африки, где побывал. Я был на берегах африканских рек: Нила, Конго, Нигера. Я пролетал над Асуаном. Видел народную стройку в Мали на Нигере, на берегу Конго, в Браззавиле. Был свидетелем того, как конголезцы переделывают на новой основе жизнь своей страны.

Путь Африки в будущее — нелегкий путь. Слишком долгой была колониальная ночь; еще в капиталистических странах живы те силы, которые не хотят позволить африканцам жить так, как они хотят. В Африке многое решается сейчас. Народы ее выбирают пути. И продолжается борьба.

Я рассказал Уильяму о своей встрече с сенегальским писателем С. Усманом. Каменщик и докер, он стал известным африканским писателем, книги которого рассказывают о жизни простых людей, о тех, кто трудится здесь, на африканской земле, в ком заключены надежды на африканское завтра. Он видит большой смысл в своем творчестве потому, что, по его словам, искусство для жизни то же самое, что дрожжи для хлеба.

— Да,— задумчиво сказал Уильям,— будущее Африки — в объединении людей. Единство цели во имя единых интересов.

А. СЕРБИН,
спецкор «Огонька»

Дакар.

Момент встречи между сборными командами Чили и Эквадора в отборочном турнире южноамериканской зоны. Чилиец Мендес (слева) отпасовывает мяч своему партнеру Эскудеро. Чилийцы атакуют, назревает гол!..

Марио Корсо — игрок сборной команды Италии, отличается агрессивностью, неустрашимостью, быстротой и сильными, точными ударами по воротам.

После победы сборной Италии над командой Шотландии итальянские футболисты Лодетти, Росато, Сальвадоре и Ривера с триумфом несут на руках своего тренера Эдмондо Фаббри.

НАШИ СОПЕРНИКИ

В. ВАДИМОВ

Миллионы любителей футбола знают о предстоящем финале мирового чемпионата 1966 года почти все. Известны шестнадцать команд — участниц заключительного турнира. Известно расписание всех матчей и на каких английских стадионах они будут сыграны. Известны результаты жеребьевки, которая разделила все команды на четверки,— встречи этих четверок определят будущих четвертьфиналистов. Осталось узнать только самую малость: кто станет чемпионом мира.

Пока это не известно никому. Но тем приятнее строить догадки и предположения, конечно, не фантастические: это было бы недостойно истинных ценителей игры. Ведь эти ценители составляют прогнозы, основываясь на строгом анализе шансов и потенциала каждой из команд.

Недавно болгарская газета «Народен спорт» попросила футбольных обозревателей спортивных газет разных стран назвать самую вероятную тройку призеров предстоящего чемпионата. В анкете участвовали наш «Советский спорт», польский «Пшеглонд спортовы», «Дейчес Шпорт-эхо» (ГДР), французская газета «Экип», румынская «Спортул популар», итальянская «Гадзетта делло спорт», венгерская «Непшпорт» и другие. И вот интересно, что ответ оказался довольно единодушным. Были, конечно, и отклонения и варианты, но большинство обозревателей ответило так: первое место — Бразилия, второе — Англия, третье — СССР.

Для того, чтобы назвать первыми кандидатами бразильцев, уже два раза подряд (в 1958 и 1962 годах) выигравших титул чемпиона мира, особой прозорливости, конечно, не требуется. Понятно, почему вторыми названы англичане: они хозяева чемпионата, очень тщательно к нему готовятся и на родных стадионах постараются не ударить в грязь лицом. Что же касается нашей сборной, то она, как известно, дважды участвовала в чемпионатах, оба раза выходила в четверть финала, но в число полуфиналистов не попадала. Поэтому такой прогноз наши футболисты должны считать обнадеживающим.

Несколько иначе расценивают шансы финалистов на призовые места те сотни тысяч англичан, которые уже сейчас заключают взаимные пари относительно итогов чемпионата мира.

Барометр футбольного тотализатора довольно благоприятен для нашей команды: по мнению британских болельщиков, сборная СССР входит в пятерку сильнейших команд мира. Но уже давно сказано и доказано, что, кроме прогнозов, в спорте существуют и сюрпризы. Они вполне возможны уже на первом этапе заключительных соревнований — в групповых турнирах четверок. Давайте же рассмотрим именно с этой точки зрения четвертую четверку — группу, где жребий свел вместе сборные команды СССР, Италии, Чили и КНДР.

После жеребьевки руководителям и тренерам этих сборных журналисты задавали, естественно, один и тот же вопрос: «Довольны ли вы, что ваша команда попала именно в четвертую группу?» И все ответы, хоть это может показаться странным, были положительными. Недовольных не оказалось. Наоборот, выяснилось, что все руководители команд, в том числе и сдержанный на высказывания тренер сборной СССР Николай Морозов, бодро смотрят в будущее.

Вот несколько высказываний после жеребьевки.

Представитель Чили М. Вейра сказал: «Мы пойдем дальше. Кто-либо из фаворитов нашей группы — итальянская или советская сборная — останется позади нас. Обе эти команды не являются непобедимыми. Жребий нам улыбнулся».

Новый тренер чилийской сборной Луис Аламос заявил: «Сборные СССР и Италии — старые знакомые чилийцев. В 1962 году, во

Дорогая редакция!

Я увлекаюсь спортом. На страницах журнала «Огонек» я с удовольствием читаю о спортсменах. Особенно я люблю футбол. Но я не очень много знаю о футболистах. Я знаю, что сборная СССР попала в группу с КНДР, Италией и Чили. Мне очень хочется узнать о наших соперниках. Прошу вас написать мне об этих футбольных командах.

Буду вам благодарен.

Анатолий Иванович ПЛУЖНИКОВ

Белгородская область, с. Ворисполье.

время предыдущего чемпионата мира, мы победили и тех и других. Почему бы этому не повториться? Сборная КНДР, правда, является незнакомкой, но не только для нас».

Довольны ли жеребьевкой итальянцы? Тренер сборной Эдмондо Фаббри ответил: «Да. Мы должны попытаться убить двух зайцев — вернуть прежнюю славу и в третий раз выиграть кубок Жюля Риме, то есть получить приз в свое обладание навечно». (Футболисты Италии были чемпионами мира в 1934 и 1938 годах.)

Бывший руководитель национальной команды, а ныне тренер миланского «Интернационале» Эленио Эррера заявил: «Я могу поздравить моего коллегу Эдмондо Фаббри и его питомцев с итогом жеребьевки. Она бесспорно и в высокой степени благоприятна для сборной Италии».

Президент Итальянской футбольной федерации Джузеппе Паскуале высказался еще более решительно: «Итак, ясно, с чего мы начинаем в финальном этапе. Сейчас предстоит самое трудное. Мы должны приехать в Англию отлично подготовленными, ничего не предоставляя воле случая, и выступить лучше, чем четыре года назад в Чили... Ни одного опрометчивого шага, ни одной ошибки...»

В западном футбольном мире о команде Корейской Народно-Демократической Республики говорят с вежливой снисходительностью, считая, что в финальном турнире она вряд ли сможет оказать сильное сопротивление именитым соперникам. А что думают руководители корейского футбола?

Центральное корейское информационное агентство приводит следующие слова тренера сборной Мюн Ре Хюна: «В групповом турнире мы выступаем против сборных СССР, Италии и Чили, против команд, с игрой которых мы практически не знакомы. Однако не следует забывать, что право встречаться с ними мы завоевали благодаря тому, что в поте лица старались довести до высокого уровня свою физическую подготовленность, технику и тактику. Это, несомненно, принесет свои плоды в Англии. На стадионах в Сандерленде и Мидлсбро нашим противникам будет нелегко. Особенно в первые четверть часа встречи, когда мы максимально используем свою скорость, и в последние четверть часа, когда многие соперники выдыхаются, а мы в состоянии играть в том же темпе, что и сначала».

«Мы экспериментируем,— сказал по приезде в Англию вице-президент Федерации футбола КНДР Ким Тук Чен,— и еще неизвестно, какую тактику применим. Нам хорошо известны достоинства итальянского и чилийского футбола, хотя с командами этих стран мы не сталкивались. С советским футболом мы знакомы лучше, так как встречались с одной из его лучших команд — московским «Спартаком», у которого выиграли 2 : 0. Мы постараемся удовлетворить болельщиков своей игрой. Для этого у нас имеются возможности. Впрочем, английские поклонники футбола сами смогут в этом убедиться».

Таковы оптимистические заявления тренеров. Что ж, так и надо — верить в свои силы! Но за этой внешней уверенностью встают реальные проблемы, и общие для всех и особые для каждой сборной.

Взять хотя бы выбор состава. Этому вопросу уделил много времени и сил тренер «скуадра адзурра» — сборной Италии Эдмондо Фаббри. Несколько лет назад его назначение главным тренером сборной было воспринято как подлинная сенсация, может быть, потому, что он ничем особенным не выделялся среди итальянских футбольных специалистов. Но знатоки пристально наблюдали за тренерской карьерой Фаббри. Они помнили, что Фаббри тренировал весьма посредственную команду четвертой группы «Мантову». Но вот в течение четырех сезонов «Мантова» перешла в третью группу, затем перескочила во вторую, а теперь мантуанцы играют в первой! За Фаббри вскоре утвердилась еще одна слава — «спасателя», то есть человека, который способен спасти ослабевшую команду от перехода в низшую группу. Встав во главе национальной сборной, Фаббри проявил весьма твердый характер и продемонстрировал понимание футбола и психологии игроков. Он выговорил себе право быть единственным селекционером сборной, то есть получил возможность единолично подбирать кандидатов в команду. Начал Фаббри с того, что изгнал оттуда всех «ориунди» — футболистов иностранного происхождения — и заменил их молодыми способными итальянцами. Во-вторых, отказался от «катеначчо» — глухой защиты — во имя активного наступательного футбола. В-третьих, обратил особое внимание на сыгранность в связках, звеньях и линиях.

«Если мы продвинемся в чемпионате мира далеко вперед,— говорит Фаббри,— нам придется часто менять состав, варьировать его с учетом особенностей соперника. Думаю, что и бразильцы не собираются ограничиться только одиннадцатью лучшими игроками во всех шести матчах (если они дойдут до финала). Такие несменяемые сборные были возможны в далеком прошлом, сейчас не те времена. Ныне тренер должен иметь в своем распоряжении по два полноценных, взаимозаменяемых игрока на каждый пост».

Но кого именно выбрать? Иногда это бывает очень сложно. Типичный пример — проблема Ривера — Корсо. Тренер остановил свой выбор на 23-летнем хавбеке кожаного мяча Джанни Ривера, а спортивные обозреватели итальянской прессы считают, что вместо Риверы или рядом с ним должен играть любимец публики 25-летний форвард Марио Корсо. В прессе поднимается шумиха, и Фаббри вынужден выступать с публичными объяснениями: «Корсо блестяще владеет дриблингом, у него отличная техника, в своем клубе «Интернационале» вместе с испанцем Суаресом он, безусловно, делает всю игру. Но он не подходит под мою концепцию футбола. Не подумайте, что у меня к нему какая-либо личная неприязнь. Просто мне необходимо сделать выбор между ним и Риверой. Пока я выбираю последнего».

Другая важная проблема — выбор спарринг-партнеров для двусторонних тренировок и контрольных встреч. Тут каждый ищет себе противника по плечу и по финансовым возможностям. Итальянцы, у которых чемпионат страны заканчивается 22 мая, не могут рассчитывать на то, чтобы клубы до этого срока надолго отпускали игроков для совместных тренировок в сборную. А вот программа международных тренировочных матчей у «скуадра адзурра» солидная. Среди намеченных поединков — встречи со сборными Франции, Люксембурга, Болгарии, Австрии, Аргентины, Мексики. На 6 июля запланирована заключительная контрольная встреча — со сборной Копенгагена. Это показывает, что Фаббри намерен испробовать, обстрелять и закалить своих питомцев в схватках с представителями разных футбольных школ, что для успеха в чемпионате очень важно.

Французский знаток международного футбола Габриэль Ано както писал: «Никогда не судите о команде по ее прошлой славе, а тем более по ее старым неудачам. Оценивайте ее такой, какой она выглядит сегодня».

Эти слова в полной мере применимы к сборной Чили. До 1962 года, когда чилийцы проводили чемпионат мира, их сборная отнюдь не блистала успехами ни в южноамериканских первенствах, ни в других крупных турнирах. И вдруг в Сантьяго команда становится бронзовым призером чемпионата мира! Тут есть о чем призадуматься, и прежде всего о том, что высокая цель и тщательная подготовка позволяют выявить скрытый ранее потенциал любой команды.

За последние годы сборная Чили не раз встречалась со своими соседями — командами Уругвая, Аргентины, Эквадора, Колумбии и другими. Встречалась с переменным успехом: знавала и хорошие победы, и бесцветные ничьи, и поражения, порой с крупным счетом. Однако к лондонскому турниру чилийцы готовятся тщательно. Местный журнал «Гол и гол» пишет, что тренеры сборной — ушедший в отставку Франциско Гармазабал и сменивший его Луис Аламос — спокойно готовят своих питомцев к экспедиции в Англию. Команда по-прежнему использует классическую бразильскую систему, умеет применять широкий маневр и быстрые контратаки. Опытных, сильных игроков — кандидатов в сборную — больше чем достаточно: по 2—3 на каждое место.

Чилийцев не смущает то, что их считают аутсайдерами. Они надеются в Англии отобрать два очка у корейских футболистов и хотя бы по одному у фаворитов группы — СССР и Италии.

Не менее ошибочно записывать в безнадежные аутсайдеры, как это делают некоторые западные обозреватели, команду КНДР. Напомним, что на нейтральном поле в Камбодже (а не у себя дома) корейцы весьма убедительно выиграли два отборочных матча чемпионата мира у сборной Австралии со счетом 6 : 1 и 3 : 1. Готовясь к чемпионату мира, корейцы отобрали игроков в сборную еще два года назад и сделали ее, в сущности, командой «постоянного состава».

Итак, мы кое-что узнали о командах четвертой четверки. И хотя каждый советский болельщик не сомневается, что наша команда с успехом проведет групповой турнир на полях Мидлсбро и Сандерленда, ясно, что легких соперников у сборной СССР не будет. Для выхода в финал чемпионата мира решающим может оказаться каждое очко, каждый забитый или пропущенный мяч.

Футбольная команда Корейской Народно-Демократической Республики — участница финального турнира.

ХЭЛЛО, Я ИГРАЮ В ФУТБОЛ

Необычная пресс-конференция состоялась в респектабельном особняке Британской футбольной ассоциации в Лондоне. Мистер Деннис Фоллоуз, секретарь ассоциации, представил собравшимся... львенка Вилли.

Вилли не рычал, не скалил зубы и не махал хвостиком. Дело в том, что львенок был рисованный, и рядом с ним журналисты увидели его отца-создателя, известного английского карикатуриста и специалиста по художественной рекламе Реджинальда Хойи.

Львенок Вилли — эмблема чемпионата мира 1966 года по футболу. Действительно, забавный рисунок создал Хойи! Курносый львенок бодро шагает в футбольных бутсах, его грива напоминает прическу современного «битника», а вместо футболки у него «Юнион Джек» — британский национальный флаг.

— Для того, чтобы нарисовать Вилли, художнику понадобилось пять минут,— заявил мистер Фоллоуз,— а принесет он нам миллионы фунтов стерлингов.

Эмблема чемпионата мира, разумеется, запатентована, и право на ее воспроизведение принадлежит организационному комитету чемпионата.

Львенок Вилли появится на спичечных коробках, тюбиках зубной пасты, воздушных шариках, галстуках, рубашках, флаконах духов и, как утверждают остряки, даже на яйцах, снесенных английскими курами. Ну, а о пивных этикетках и говорить нечего! По опыту известно, что во время футбольных матчей английских болельщиков обуревает жажда, так что сбыт продукции крупнейшей английской пивной фирме «Уотни» во время чемпионата мира обеспечен, и она уже закупила право на изображение львенка-футболиста.

Среди английских певцов-импровизаторов, так называемых поп-сингеров, был объявлен конкурс на лучшую песню, посвященную маленькому Вилли. Победу одержала песня под девизом «Хэлло, я играю в футбол». Крупнейшая фирма грампластинок «Пай» собирается выпустить ее миллионным тиражом, и, конечно, с изображением львенка.

ПО КРУГУ

О. ГЕНРИ

— Скажи, Сэм, как твоя рубашка — в порядке?— спросила миссис Уэббер, удобно расположившаяся в кресле под виргинским дубом с книжкой в руках.

— Сидит что надо, Марти,— ответил Сэм подозрительно любезным тоном.— Сперва, как увидел, что у нее все пуговицы оторваны, так меня злость взяла. Ну, а потом гляжу, и петли все прорваны. Так чего уж говорить о пуговицах?

— А, пустяки,— беспечно сказала жена.— Надень галстук, и воротничок будет держаться.

Ранчо Сэма Уэббера находилось в самой глухой части пустынной местности. Его дом — деревянная постройка с двумя комнатами — стоял на отлогом склоне холма среди высоких зарослей. На небольшой поляне перед домом были загоны, навес для стрижки овец и сарай для хранения шерсти. В нескольких футах за ранчо начиналась густая чаща колючего кустарника.

Сэм собрался ехать на ранчо Чэпмена, чтобы поговорить о покупке нескольких породистых баранов-мериносов. Он вышел из дому, готовый двинуться в путь. Ранчо Чэпмена, большое и многолюдное, считалось чуть ли не маленьким городком. Поэтому Сэм решил приодеться. В результате из живописного техасца он превратился в человека, гораздо менее приятного на вид. Его мускулистую, темную от загара шею уродливо сдавил тугой белый воротничок. Под расстегнутым жилетом оттопыривалась жесткими складками рубашка с оторванными пуговицами. Дешевый костюм, купленный в магазине готового платья, скрыл от глаз красивые линии его стройной, атлетической фигуры. На его коричневом, обветрившемся лице появилось выражение меланхолии и достоинства, как у человека, обвиняемого в государственном преступлении.

Сэм потрепал по головке своего трехлетнего сынишку Рэнди и поспешно зашагал к своей любимой верховой лошади Мехико.

Марти, лениво развалившись в кресле, заложила пальцем книгу и повернула голову к мужу. Увидев, как дико выглядит Сэм после своих попыток принарядиться, она насмешливо улыбнулась.

— Ну и вид у тебя, Сэм,— протянула она.— Ни дать ни взять деревенщина с газетной картинки, а не свободный и независимый овцевод из штата Техас.

Сэм неуклюже вскарабкался в седло.

— Постыдилась бы так говорить,— раздраженно ответил он.— Вместо того, чтобы позаботиться об одежде мужа, ты все торчишь в кресле, уткнувшись в свои дрянные книжонки. Будь они прокляты!

— Ах, замолчи и поезжай, куда собрался!— воскликнула миссис Уэббер.— Ты всегда пристаешь ко мне из-за книг. Я и так работаю с утра до ночи. Буду читать, когда захочу! Живу здесь, в глуши, как крот, ничего не слышу и не вижу. Чем мне еще развлечься? Уж не твоими ли разговорами? Ты все брюзжишь и брюзжишь целыми днями. О, поезжай, Сэм, и оставь меня в покое!

Сэм дал шенкеля лошади и пустился по проселку, соединяющему его ранчо с шоссе. Было восемь часов утра, и становилось уже жарко. Сэму довелось однажды проделать этот путь с одним ковбоем, и он запомнил направление.

Около сломанного дерева Сэм свернул с шоссе и поскакал к реке по красивой узкой долине, покрытой ковром густой, курчавой травы. Лошадь быстро прошла несколько миль широким, легким галопом. Когда Сэм добрался до Утиного озера, он повернул направо и стал подниматься на невысокий каменистый холм, где росли только неприхотливые кактусы. На вершине он остановился, чтобы в последний раз окинуть взглядом окружающую местность. Дальше начиналась чаща, ему предстояло блуждать среди колючих кустарников, кактусов и чапарраля, где и за двадцать шагов ничего не разглядишь. Выбирать дорогу здесь помогал инстинкт жителя прерий.

Сэм спустился по пологому склону и исчез в зарослях. Часа через два он понял, что заблудился. Как обычно бывает в таких случаях, он растерялся, стал торопиться, пытаясь выбраться хоть куда-нибудь.

Для овцеводов в прериях ничего не значит проблуждать день или два, это случается часто. Обойтись разок-другой без обеда, только и всего. А спать можно с полным комфортом, постелив войлок на мягкой траве. Но для Сэма дело обстояло не так просто. Никогда еще он не покидал на ночь свое ранчо. В этой пустынной местности Марти жила в постоянном страхе. Она боялась бродяг, змей, пантер. Ее пугали даже овцы. Поэтому Сэм не оставлял ее одну.

День клонился к вечеру, и часам к четырем Сэма охватила тревога. Он ехал весь в поту, ослабевший не так от усталости и жары, как от волнения. Только бы найти хоть какое-нибудь ранчо или стоянку скотоводов, где он мог бы получить свежую лошадь и узнать дорогу! Он согласился бы не слезать с седла всю ночь, лишь бы вернуться поскорее к Марти и своему малышу.

Сэма терзало раскаяние. Он вспомнил о резкостях, которые наговорил жене, и к его горлу подступил ком. Ей и так тяжело жить в этой глуши, а тут еще надо вы-

ДЛЯ ВЫПУСКНОГ

В редакцию приходит много писем от школьниц: просьба посоветовать, какое платье подходит для выпускного бала.

Мы обратились в Общесоюзный Дом моделей. Там нам показали платья, которые мы и воспроизводим на этой странице.

А художественный руководитель Дома Л. Ф. Турчиновская просила передать нашим юным читательницам ряд советов.

Хотя выпускной бал в жизни каждой школьницы и очень знаменательное событие, все же не следует шить к нему специального бального, вечернего платья. Нецелесообразно делать туалет только для одного вечера. Платье должно быть без претензий, чтобы и потом его можно было носить. Сделайте его из светлой недорогой шелковой ткани (ни парча, ни другая блестящая материя для девушки не подходит). Очень нарядны также хлопчатобумажное кружево и лен с лавсаном. Костюму для девушек художники сейчас стараются придать лирический, мягкий силуэт. Платья, которые мы здесь показываем, небольшие, в основном прямые по форме, без громоздких широких юбок, все фасоны очень просты. Женственность модели придает отделка: рюши, прошивки, русское кружево, вышивка в цвет ткани — традиционные элементы русской одежды.

Фото Е. Умнова.

носить его ругань. Он клял себя, и стыд ожег его лицо сильнее солнечного зноя при мысли о том, как часто он насмехался над нею и бранил ее за любовь к книгам.

— Только одна радость и осталась у бедняжки,— сказал вслух Сэм, громко всхлипнув, и этот непривычный звук заставил напуганного Мехико сделать легкий бросок в сторону.— Каково ей жить с эдаким ворчуном, как я, гнусным подлецом, которого нужно бы запороть до смерти подпругой! То стряпня, то постирушка, а на обед только баранина с бобами. А я еще бранюсь, когда она заглянет в книжку!

Он вспомнил, какой была Марти, когда он в первый раз увидел ее,— нарядной, хорошенькой и веселой, пока солнце не выжгло ее розовые щеки, а одиночество среди чапарраля не приглушило вкус к жизни.

— Если хоть раз скажу ей грубое слово,— бормотал Сэм,— если не буду любить ее так, как должен любить муж, то пусть пантера разорвет меня на куски.

Да, он знал, что сделает, когда вернется домой. Он напишет Гарсиа и Джонсу, торговцам в Сан-Антонио, у которых покупал продукты и которым продавал шерсть, и попросит прислать большой ящик романов и всяких других книг для Марти. Теперь все пойдет по-другому. Он уже прикидывал, как поставить в комнатенке маленькое пианино, чтобы им самим было где поместиться.

Его мучила мысль, что Марти и Рэнди придется провести ночь одним. У него часто бывали перебранки с женой, но с наступлением ночи Марти, не умевшая отделаться от своих страхов, со вздохом облегчения покорно клала голову на сильную руку Сэма. Да и разве ее опасения такие уж напрасные? В их края проникают бродяги и грабители. А иногда пума подкрадывается к одинокому ранчо и нападает на людей. Сэм думал о гремучих змеях, сороконожках и десятках других опасностей. Марти обезумеет от страха. Рэнди будет плакать и звать отца.

Кругом бесконечной чередой тянулись все те же кустарники, кактусы, чапарраль. Только бы выбраться отсюда, все равно куда!

В то время, когда Сэм Уэббер сильнее всего был охвачен раскаянием и добрыми намерениями, Мехико перешел с быстрой рыси на спокойный шаг.

— Послушай, Мекс,— запротестовал Сэм.— Так дело не пойдет. Я знаю, ты устал, но нам нужно двигаться вперед. Боже мой, так неужто во всем мире не осталось ни одного домишка!

Он слегка подтолкнул лошадь. Мехико нехотя затрусил среди темных, густых зарослей чапарраля и, миновав их, круто остановился. Сэм выронил поводья. В десяти ярдах он увидел заднюю дверь своего ранчо.

В тени дома безмятежно сидела в кресле-качалке Марти, удобно положив ноги на ступеньки крыльца. Рэнди возился на земле со шпорами и, едва взглянув на отца, продолжал крутить колесики, напевая песенку. Марти лениво повернула голову, откинутую на спинку кресла, и безучастно посмотрела на Сэма. Она держала в руке книгу, заложив страницу пальцем.

Сэм ошалело встряхнул головой, как бы спросонок, и, не торопясь, слез с лошади. Облизав пересохшие губы, он повернулся к жене.

— Так ты все торчишь здесь в кресле? — прохрипел он.— Уткнулась в свои дрянные книжонки!

Сэм проделал путь по кругу и стал опять самим собой.

Перевел с английского
Г. БАБЕНЫШЕВ.

Таков порядок...

Г. РЫКЛИН

Я знавал одного страшного заику, которого прозвали оратором.

Не по тому ли принципу находятся люди, которые всякий беспорядок именуют порядком?

Они, точно дятел носом, тук да тук, твердят одно и то же:

— Ничего не поделаешь — таков порядок.

Правильно я говорю или нет? Может быть, вы не согласны со мной? Пишите на меня заявление. Уверяю вас, что ваше заявление пришлют ко мне для принятия мер: чтоб я разобрал заявление на меня и принял меры против себя.

Таков порядок...

Но прежде всего разрешите представиться. Фамилия моя — Синеоков. Зовут — Никодим Петрович. Есть у меня сынишка Вася. Ему 44 года. Хороший паренек, послушный. Попросил я его на днях сбегать в одно издательство получить причитающийся мне гонорар. Уговорили меня написать статью для одного журнала — поделиться опытом.

Пошел Вася в издательство и взял с собой доверенность. В этой доверенности сказано: «Доверяю сыну моему Василию Синеокову» и т. д. и т. п.

Встретили его в бухгалтерии очень приветливо, усадили. Бухгалтер от восторга места себе не находил:

— Вот как! Значит, вы приходитесь родным сыном Синеокову. Очень рад! Очень рад!

Затем бухгалтер подает Васе ордер и говорит:

— Тут мы с вашего родителя вычли семь целковых за бездетность.

Мой Вася возмутился.

— Позвольте,— говорит,— я своего папашу очень давно знаю и могу засвидетельствовать, что он не бездетный!

— Вполне допускаю, что ваш папаша не бездетный,— спокойно отвечает бухгалтер,— но нет соответствующей справки. Нужна бумажка. Таков порядок.

— Зачем? Ведь я налицо. Вот мой паспорт. Мне сорок четыре года. Значит, отец мой вообще уже в таком возрасте, когда не платят этого налога.

— Ничего не поделаешь,— с достоинством отвечает бухгалтер.— Нужна справка. Таков, друг мой, порядок.

Как-то разболелся у меня зуб. И не какой-нибудь рядовой зуб, а зуб мудрости. Побежал я в зуболечебницу. Прихожу, а там очередь. Оказывается, в тот день большой процент трудящихся был охвачен зубной болью.

Узнаю, что граждане, а также гражданки с острой зубной болью принимаются без очереди в четвертом кабинете. Ринулся я в четвертый кабинет, а там говорят:

— А у вас есть справка, что у вас острая боль?!

— Зачем вам справка? — говорю.— Ой! Поглядите на меня. Ой!

— Нужна справка. Вы ее получите в седьмом кабинете. Таков порядок...

Бросаюсь в седьмой кабинет. А мне говорят:

— Не торопитесь. Девушка, которая там работает, сегодня выходная. Приходите завтра...

— Но у меня...

— Ничего не поделаешь: таков порядок.

Соседка у меня есть, вдова. Ей пенсия полагается за мужа. Года два ходила она по всяким собесам. И все без результата. То есть нет отказа: не давать! Но нет и приказа: давать! Кончилось это тем, что я осерчал. Взял обыкновенный листок бумаги и решительным почерком написал в районный собес: «Пора прекратить эту безобразную волокиту. Прошу срочно разобрать дело гр-ки Агуреевой». И подписал даже не свою фамилию, а что-то такое синее — не то Синебрюхов, не то Синебрюков. И что же вы думаете? В один день все было оформлено. Кто он такой, этот Синебрюков или Синебрюхов, они понятия не имеют, но на всякий случай испугались. Бумажки испугались. Таков порядок.

Пришел я недавно в один трест. Требуют пропуск. Иду в бюро пропусков. Сидит там серьезный старичок, старательно пьет чай.

Подходит моя очередь. Но вот беда: паспорт я забыл дома. Старичок спокойно наливает еще чашку чаю и милостиво говорит:

— Давайте любой документ.

Вынимаю из кармана справку, полученную вчера в поликлинике; там все сказано: и про лейкоциты в поле зрения, и о белках, и о кровяном давлении.

— Вот и ладно,— говорит старичок.

И, приняв во внимание мои лейкоциты, выписывает пропуск. Таков порядок...

Получив пропуск, иду в канцелярию к Сидорову, моему старому знакомому. Иду и по пути фантазирую.

— Здорово, товарищ Сидоров! — говорю я.

А он смотрит на меня стеклянными глазами и говорит:

— А ты кто такой?

— Не видишь, что ли? Синеоков.

— На слово не верю. Принеси справку, что ты Синеоков.

— Ты с ума сошел! — говорю ему.

А он отвечает:

— На слово не верю. Принеси справку, что я с ума сошел. Таков порядок...

Но Сидорова не оказалось на месте. Я вышел на улицу. На небе солнце сияло во всю свою силу. Я взглянул на него, прищурился и сказал ему, солнцу:

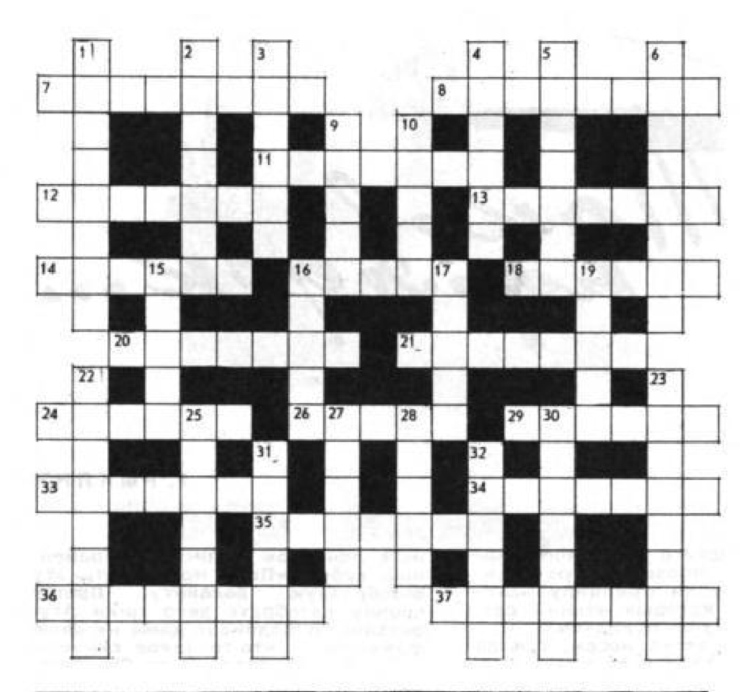
— На слово не верю. Дай справку, что ты солнце! Таков порядок...

О ВЕЧЕРА

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Персонаж романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». 8. Телевизионная трубка. 11. Певица, народная артистка СССР. 12. Значок на форменном головном уборе. 13. Овощ, корнеплод. 14. Охотничья собака. 16. Остров в архипелаге Филиппин. 18. Одежда оленеводов. 20. Производственная группа. 21. Лиственный лес. 24. Драма В. Гюго. 26. Стиль плавания. 29. Народный поэт Белоруссии. 33. Сушеные абрикосы, персики. 34. Экипаж судна. 35. Популяризация товаров. 36. Раздел зоологии. 37. Автор картины «Спор на меже».

По вертикали:

1. Курорт в Полтавской области. 2. Польский танец. 3. Кит. 4. Спортивное общество. 5. Домашняя птица. 6. Кормовой злак. 9. Приток Дуная. 10. Фигура высшего пилотажа. 15. Духовой инструмент народов Кавказа и Средней Азии. 16. Искусственный водоем для рыбы. 17. Жидкий металл. 19. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Майская ночь». 22. Композитор, главный дирижер мужского хора Эстонской ССР. 23. Научное учреждение. 25. Столица Мавритании. 27. Русская народная сказка. 28. Залив, отделенный от моря косой. 30. Европейское государство. 31. Горизонтальный выступ на стене. 32. Полуостров в Центральной Америке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

7. Бахрушин. 8. Рагимов. 9. Какаду. 11. Чирков. 12. Удокан. 13. Бриз. 15. Антракт. 17. Карамель. 19. Соцветие. 21. «Донбасс». 23. Кума. 25. Ателье. 26. Ледник. 29. Леохар. 30. Пломбир. 31. Ушинский.

По вертикали:

1. Каштан. 2. Картули. 3. Ургенч. 4. Парабола. 5. Ансамбль. 6. Ворскла. 10. Панама. 14. Заяц. 16. Треста. 18. Ейск. 19. Скалозуб. 20. Исландия. 22. Надфиль. 24. Углерод. 27. Карбас. 28. Кабина.

На первой странице обложки: На Красной площади в день рождения Ильича.

Фото Г. Макарова.

На последней странице обложки: Далеко в степь уйдут улицы Северодонецка — города молодости. Здесь, где сейчас ведет разметку кварталов главный архитектор города комсомолец Николай Волга со строителями инженером Валерием Лященко и прорабом Григорием Николаевичем Вороновым, будет городской центр (см. в номере «Если тебе комсомолец имя»).

Фото Л. Шерстенникова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10268. Подписано к печати 11/V 1966 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0.
Тираж 2 000 000. Изд. № 772. Заказ № 1324.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

МЕЖДУ НАМИ, РОБОТАМИ

Веселая страна Кибертония существует всего один вечер в году на традиционном балу в Институте кибернетики Украинской Академии наук.

...Комната институтского комсомола уже много вечеров подряд представляла собой мастерскую художников.

Однако художники, несмотря на то, что их ватманы занимали невыносимо много пространства, все же не в состоянии оказались завладеть комнатой целиком. Одновременно здесь бурно заседали организационный штаб, редакционная коллегия и постановочная часть во главе с главрежем, артистом, экономистом и сценаристом Валерием Ефетовым. Применение кибернетики к экономике, несмотря на всю грандиозность открывающихся при этом возможностей, не смогло поглотить целиком его многогранную творческую личность.

— Если бы вы хоть на минуточку знали, что это значит — подготовить Кибертонию! — отчаянно кричал в телефонную трубку математик Валерий Валах.

Но все это выглядело сущими забавами по сравнению с творческими мучениями кинематографистов — оператора Олега Копейкина, режиссера Дмитрия Галенко (в повседневности радиоинженеров) и их верной подруги математика Марины Нацваловой, объединившей в своем лице всех тех, кого обычно перечисляют во вступительных титрах кинокартины между оператором и актерами. Институтские кинематографисты — лауреаты всесоюзных и республиканских конкурсов кинолюбителей. Они снимают не только документальные, но и игровые фильмы.

Наконец настал день и час.

Сверкающий Дворец пионеров отдан шефам — Институту кибернетики Украинской Академии наук. За кулисами разложен сценический реквизит (будет показан фильм-спектакль: киноэпизоды вперемежку с театральными сценками). Уже в пионерской комнате репетирует джаз, а режиссеры, организаторы, художники и актеры напоследок мечутся по Дворцу.

Ученые, они, как правило, оптимисты. Они надеются на успех.

— Не представляю себе ученого-пессимиста! — признался мне как-то молодой кандидат, физик.

Наука и юмор... Сделать что-нибудь серьезное в науке, как известно, не просто, и нормальное состояние научного работника — это поиск. И... неудача! Как же можно при таких обстоятельствах терять чувство юмора?!

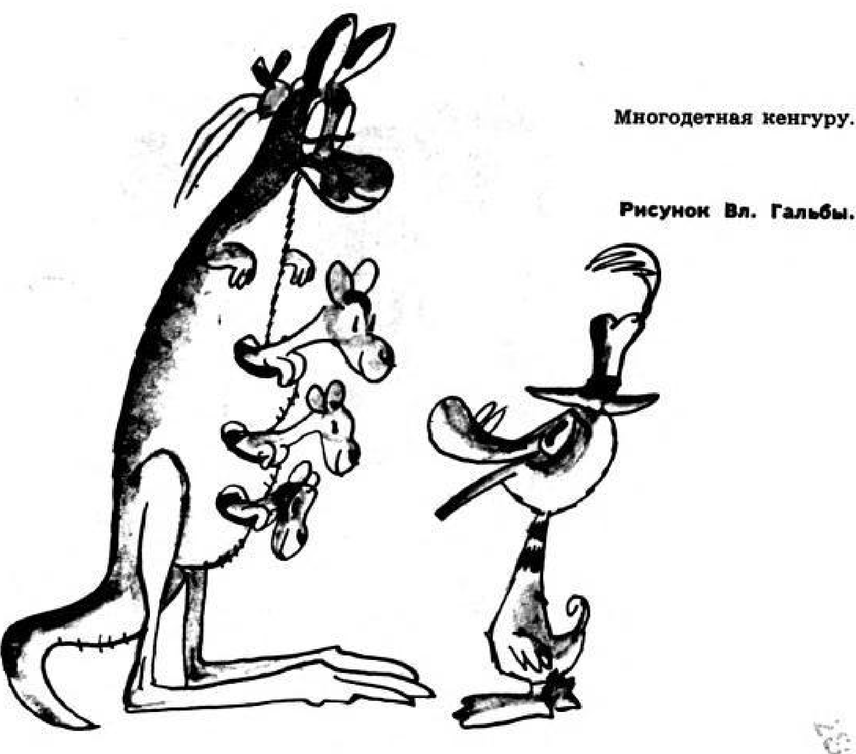
Великий Нильс Бор, когда его однажды спросили, чем объясняются его успехи — его и его сотрудников — в теоретической физике, серьезно ответил: «Мы много и увлеченно работали и никогда не теряли чувства юмора...»

Кибернетики мне простят цитаты из физиков — убежден, что схожие мысли можно найти и у столпов их науки. А самое главное — на их веселом вечере, в стране Кибертонии.

Б. ГОЛОВИН

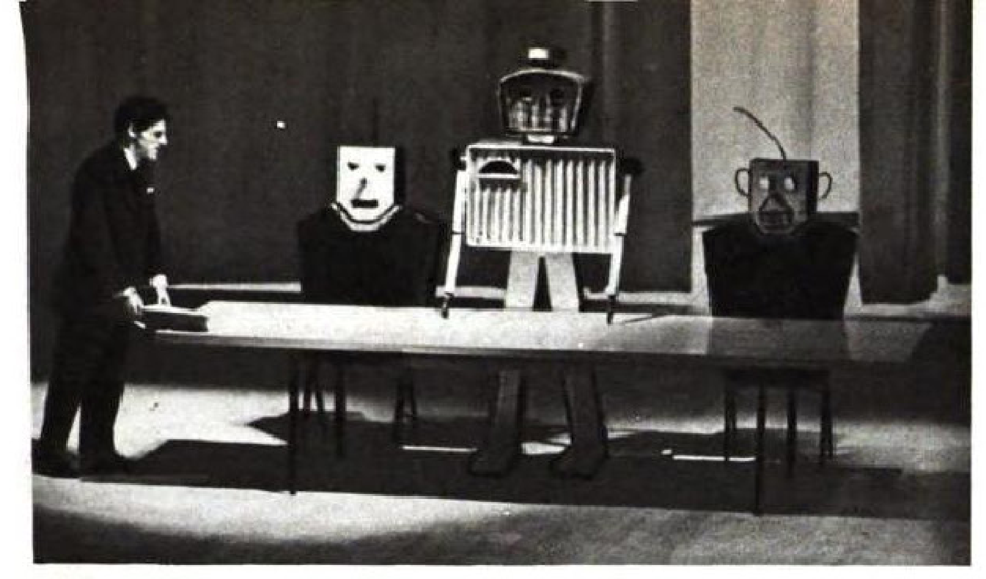
Фото Н. Козловского.

Рисунки инженеров Института кибернетики АН УССР Ю. Андреева и Г. Гимельфарба.

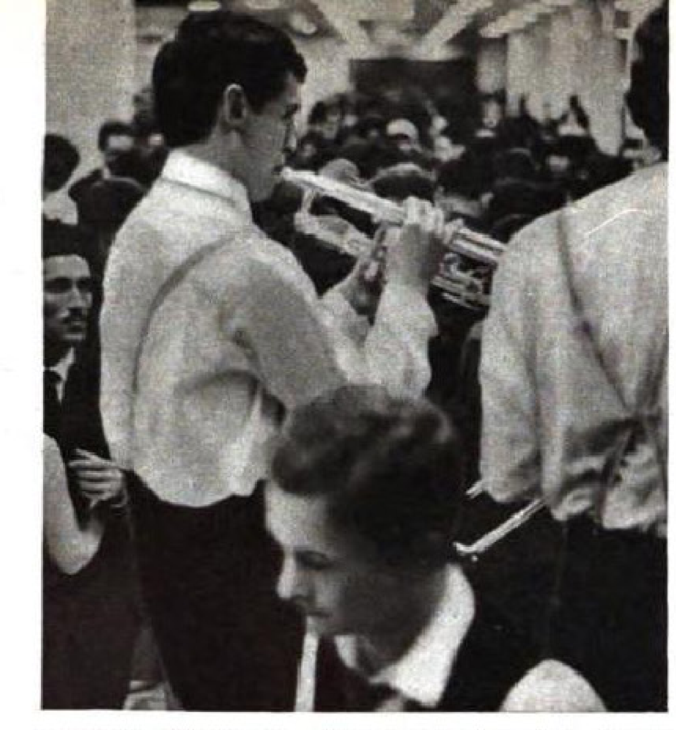

Многодетная кенгуру.

Рисунок Вл. Гальбы.

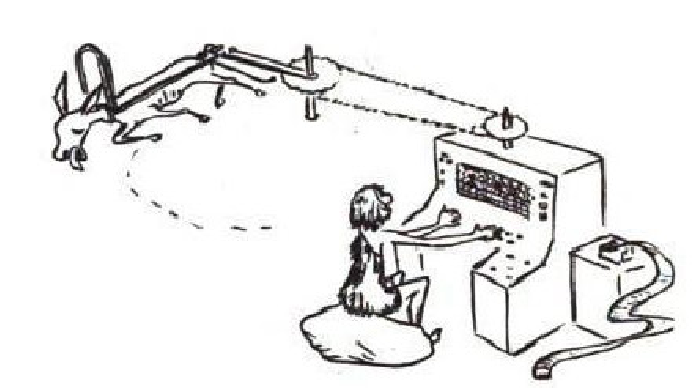
Высшим органом Кибертонии является Совет Роботов.

Хорошее настроение — почетная обязанность каждого гражданина Кибертонии.

Покупатель и продавец:
— Что, своих не признаешь?

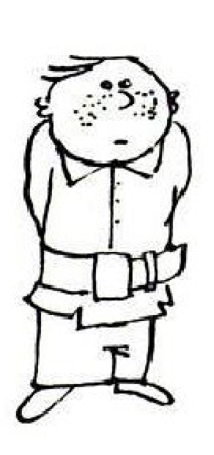

До Рождества Винера — отца кибернетики

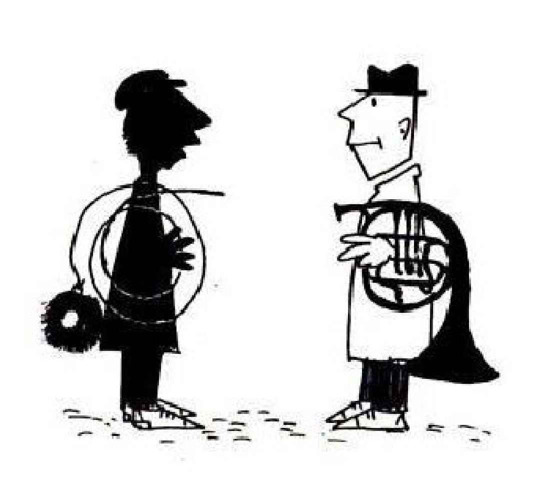

Перекур. Игра в перфокарты.

Кто сказал, что мы бездушные автоматы?

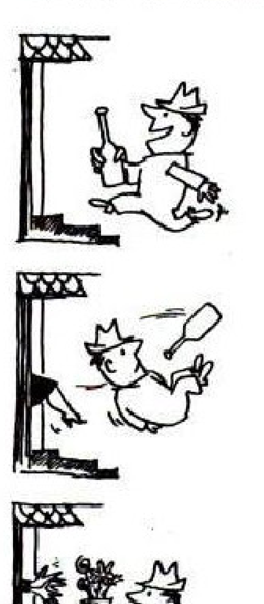
— Мама сказала, что на мне все горит.
Рисунок Е. Шебельника.

— Вам трубу не прочистить?
Рисунок В. Каневского.

Без слов.
Рисунок В. Волкова.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663